РОВЕСНИК

РОВЕСНИК

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

Январь, 1976 год, № 1

На первой странице обложки вы видите кадр из не совсем обычного фильма. Его снимали на БАМе студенты ВГИКа Петер Бартош из ЧССР и Чан Ван Тху из ДРВ. Фильм стал их курсовой работой, и назывался он «Там, где мы жили». А жили они на БАМе, в Звездном, где работал интернациональный отряд студентов «Дружба».

2. СМОТРИТЕ!
4. **Владимир Осипов.** ВЕК ПИШЕМ, 25 В УМЕ
7. **Ю. Степанов.** СОБСТВЕННО, ЭТО УЖЕ НАЧАЛОСЬ
10. **Эдуардо Лабарка.** ДЕНЬ, КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ
12. **Радован Рихта.** НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИТЬ С БУДУЩИМ?
14. **Джеймс Олдридж.** 15 СЕКУНД СЛАВЫ
17. **И. Горелов.** БУДЕТ — НЕ БУДЕТ
20. **Леонид Переверзев.** КАНТРИ: СЕЛЬСКАЯ МУЗЫКА СТАНОВИТСЯ ГОРОДСКОЙ
22. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...

ДО 2000 ГОДА — 25 ЛЕТ

Размышления о будущем в подборке материалов, посвященных последней четверти века.

АДДИС-АБЕБА. Тысячи студентов Эфиопии выехали в села страны, чтобы помочь властям в проведении одобренной военным революционным правительством аграрной реформы. Студенческие бригады помогают крестьянским кооперативам в налаживании производства на полученной от государства земле. В городах страны продолжается сбор денег на покупку сельскохозяйственных орудий, удобрений, в фонд помощи беднейшим крестьянам.

С марта по октябрь прошлого года в Эфиопии было образовано 18 тысяч кооперативов, объединивших 3 миллиона крестьян.

НЬЮ-ЙОРК. Экономический кризис продолжает лихорадить бюджеты американских городов, вынуждая власти неуклонно сокращать те или иные статьи расходов. Об этом свидетельствует, в частности, серия массовых забастовок преподавателей средних школ и колледжей, которые прошли осенью прошлого года по инициативе профсоюза учителей. Среди требований бастующих были: увеличение заработной платы, возобновление контрактов на новых условиях, решение проблемы «перенаселенности» классных помещений.

На снимке: «Поддержи моего учителя!» — написано на плакате школьницы.

ПАРИЖ. Национальный совет Движения коммунистической молодежи Франции (ДКМФ) обратился к комсомольцам, всей прогрессивной молодежи страны с призывом помочь собрать 100 миллионов франков (старых) на создание типографии ДКМФ. В условиях роста и консолидации демократического молодежного движения во Франции, объединяющегося вокруг Совместной программы левых сил, в условиях все усиливающегося давления со стороны правящих кругов создание подобной типографии поможет ДКМФ в борьбе за права молодежи.

АФИНЫ. В греческой столице проходил судебный процесс против членов бывшей военной хунты по делу о жестокой расправе над участниками студенческих выступлений в Афинском политехническом институте в ноябре 1973 года. На скамье подсудимых — бывший диктатор Пападопулос, бывший шеф военной полиции Ионнидис и еще 31 лицо из числа высших чиновников хунты. Как известно, в ходе кровавых событий в Афинах погибло 34 студента и более тысячи были ранены либо получили увечья.

На снимке: жители Афин выражают чувства солидарности с матерями и сестрами убитых студентов, участницами голодной забастовки, объявленной в знак протеста против вынесения мягкого приговора по делу членов хунты.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ХЕЛЬСИНКИ. На X съезде Социалистического союза студентов Финляндии, проходившем 3—5 октября в Хельсинки под знаком 70-летия создания в стране первой марксистской студенческой организации, присутствовало 302 делегата из вузов страны, а также 500 официальных наблюдателей из 44 организаций — коллективных членов союза. На съезде присутствовали делегаты зарубежных стран и ВФДМ.

Союз является организацией учащейся студенческой молодежи и уже окончивших вуз представителей интеллигенции, которая в своих решениях опирается на созданную Марксом и Энгельсом теорию научного социализма и на марксизм-ленинизм.

В резолюции съезда выражается уверенность, что предстоящая в 1976 году общеевропейская встреча молодежи внесет достойный вклад в укрепление мира, безопасности народов.

НЬЮ-ЙОРК. Союз молодых рабочих за освобождение (США) направил в адрес Союза молодых коммунистов и Союза студентов-коммунистов Португалии письмо солидарности, в котором приветствовал их борьбу против фашизма и реакции. «Прогрессивная молодежь в Соединенных Штатах просит вас принять чувства глубокого уважения к тому выдающемуся вкладу, который вы внесли и продолжаете вносить в дело борьбы молодежи и человечества за мир, демократию и свободу», — говорится в письме.

БРАТИСЛАВА. В городе Тренчин открылась выставка, рассказывающая о движении молодых новаторов «Зенит». На выставке проводятся конкурсы профессионального мастерства, соревнования проектов, смотры технического творчества молодежи.

Только в Братиславе на стройках третьего трудового семестра работали около трех тысяч студентов Словакии. 35 студентов награждены знаком «Строитель Братиславы».

БЕРЛИН. Здесь состоялась церемония присуждения стипендии имени Сальвадора Альенде чилийским студентам, обучающимся в вузах и техникумах Германской Демократической Республики. Эта стипендия выдается с 1973 года, когда она была учреждена правительством ГДР как одно из проявлений солидарности рабоче-крестьянского немецкого государства с чилийскими демократами.

ВАРШАВА. 2700 юных певцов, танцоров, актеров и художников принимали участие во II харцерском фестивале школьной молодежи «Кельце-75». В заключение праздника муз состоялись три гала-концерта, в которых участвовали несколько сот человек.

На снимке: общий вид сцены под открытым небом в городе Кельце, где проходил фестиваль.

ТУНИС. Журнал «Жён Африк» пишет о проблемах развития народного образования в Африке. По прогнозам экспертов, через 10 лет жители до 15 лет составят около половины населения Африки.

В настоящее время только лишь 42,1 процента африканских детей в возрасте от 6 до 11 лет посещают школу. В возрастной группе 12—17 лет этот показатель составляет только 27,8 процента, для молодежи от 18 лет и выше — 2,9 процента.

Предвидится, что в 1985 году эти показатели возрастут соответственно до 43,8, 31,9 и 4,6 процента. Чтобы достигнуть такого уровня, необходимо до 1985 года увеличить количество учителей на 40 процентов.

ВАШИНГТОН. Бедственное положение коренного населения США привело к тому, что тысячи индейских детей являются либо сиротами, либо живут в приютах и чужих семьях (около 30 процентов). Директор бюро по делам индейцев признал, что в последнем случае вынужденное отлучение детей коренного населения от их родителей носит «грабительский характер».

БУДАПЕШТ. 30 апреля 1976 года, в день годовщины выдающейся победы вьетнамского народа, завершится международная кампания ВФДМ по сбору средств на строительство в Республике Южный Вьетнам школы имени Нгуен Ван Чоя. Решение о проведении этой акции в 1973 году принял X Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Берлине. В ходе кампании собрано около 100 тысяч долларов.

РИМ. В Италии 619 тысяч юношей и девушек (15—24 года) не могут сегодня устроиться на первую в своей жизни работу. Если к ним прибавить 155 тысяч молодых, которые ее утратили вскоре после того, как приобрели, то количество безработных молодых людей составит 61 процент от общего числа «резервной» рабочей силы, насчитывающей 1 миллион 250 тысяч человек.

ГАВАНА. Принято решение о строительстве в центре кубинской столицы на площади Революции здания штаба Международного подготовительного комитета XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, который будет проходить здесь летом 1978 года. Строительство будет завершено в начале будущего года.

Смотрите!

Петер БАРТОШ

Фото автора

А в качестве сувенира я привез с БАМа топор. Я им работал все лето. Правда, мой коллега по ВГИКу Чан Ван Тху — режиссер нашего фильма — сувенир не взял: ему бы пришлось везти лопату или лом.

Когда мы уезжали, в институте не было пленки, и нам привезли ее только через месяц. Но это даже оказалось лучше. Целый месяц мы жили среди своих героев — студентов интеротряда из девяти стран. Строили склады, дома, прокладывали теплотрассу, и я уже порой забывал: что же есть моя настоящая курсовая работа — то, что я строю здесь, или наш будущий фильм? Сейчас монтируем. И так много упустили! И так жалко! Первый раз я утром вылез из палатки с камерой в руках. И остолбенел... Наводнение! Вот это и будет наш первый кадр. Семь дней шел дождь. Нея — там ее зовут речушкой, а у нас — я из Средней Словакии — ее бы называли огромной рекой, так она разлилась и летела с огромной скоростью. То, что она ломала мосты, этого не было в сценарии. Не было и того, как нам пришлось их возводить. Там многого не было... Не было тех утр, когда есть уже солнце, но синий туман плавает на вершинах гор, и ты стоишь внизу, как в огромной молочно-голубой чаше, и уже солнце сушит росу. Не было того, как я стоял в чернике и не мог двинуться, потому что некуда было поставить ногу, а я не мог заставить себя давить ягоды. Это просто невозможно представить! А из пекарни рядом нам приносили теплые булки... И я вспоминал маму. И в поселке, которому всего год, бегали дети, и их уже был целый детский сад. И мы не выбирали тех, кто был бы красивым в кадре, потому что это была жизнь, и мы снимали ее всю, как она есть. И пленки было мало, и мне приходилось забывать, что по теории на панораму надо сорок пять секунд. И с меня в конце уже сваливались штаны — так я похудел... И все-таки, скажи мне: «Слушай, Петер. Ты еще поедешь на БАМ. Снимать», — побежал бы.

ОСТАЛОСЬ ВСЕГО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ, ЕЩЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ, И ЛЮДИ БУДУТ ГОВОРИТЬ ПРО СЕБЯ: «МЫ, ЖИТЕЛИ XXI ВЕКА...» НО ПОКА МЫ ЖИВЕМ В ВЕКЕ XX, И ИМЕННО ЗДЕСЬ НАЧИНАЕТСЯ НАШЕ БУДУЩЕЕ. БЕЗ МАЛОГО ПЯТЬ ЛЕТ НАЗАД МЫ ЗАГЛЯДЫВАЛИ В БУДУЩЕЕ, ЧИТАЯ ДОКУМЕНТЫ 24-го СЪЕЗДА ПАРТИИ. ОНО СТАЛО НАСТОЯЩИМ, СЕЙЧАС МЫ НА ПОРОГЕ НОВОГО СЪЕЗДА, 25-го, НА ПОРОГЕ ОТРЕЗКА ВРЕМЕНИ, КОТОРОЕ, МЫ УВЕРЕНЫ, СТАНЕТ НАШИМ ПОЛНОКРОВНЫМ, ДЕЯТЕЛЬНЫМ, ОПТИМИСТИЧНЫМ НАСТОЯЩИМ...

РАЗНЫЕ ЛИЦА ВГЛЯДЫВАЮТСЯ СЕГОДНЯ В БУДУЩЕЕ. РАЗНЫЕ НАДЕЖДЫ СВЯЗЫВАЮТ С НИМ ЛЮДИ — И ДЕРЗКИЕ, И РОБКИЕ, И ОБОСНОВАННЫЕ, И ЗЫБКИЕ. ВЕДЬ ЛЮДИ СМОТРЯТ НА БУДУЩЕЕ ИЗ СВОЕГО РЕАЛЬНОГО НАСТОЯЩЕГО — С УДАРНОЙ СТРОЙКИ БАМ И ИЗ ТЮРЕМ ЧИЛИ, ИЗ КАБИНЕТОВ МАСТИТЫХ СОЦИОЛОГОВ И ИЗ ОЧЕРЕДИ БЕЗРАБОТНЫХ... КАКИМ ОНО ВСЕ-ТАКИ БУДЕТ, БУДУЩЕЕ?

ВЕК ПИШЕМ, 25 В УМЕ

Владимир ОСИПОВ

У временных рубежей какая-то магия. Месяцами люди живут текущими заботами, сегодняшними радостями или неприятностями: живут настоящим. В преддверии Нового года наступает традиционное поветрие: все или очень многие начинают оглядываться назад, подводить итоги прошедшему году и загадывать на будущий: что принесет он?

С «круглыми датами», разумеется, то же самое, только еще сложнее: диапазон подведения итогов минувшего и прогнозов на предстоящее расширяется до десятилетий, а то и больше, как сейчас, например, — на 25 лет в ту и другую сторону: с 1 января 1976 года мы ведь вступаем в последнюю четверть XX века.

Как и у всякой традиции, у этой свой смысл, быть может, более глубокий, чем у тьмы других (вовсе бессмысленные рано или поздно отмирают). Дело ведь не только, да, пожалуй, и не столько в том, чтобы, пощелкав на счетах (по нашим временам — на электронных, понятно), привести в порядок бухгалтерские книги личных и мировых событий и уточнить вероятный календарь на обозримый отрезок времени вперед. Дело в том, чтобы выявить и уяснить, индивидуально или коллективно, что из свершившегося прогрессивно и оправдало себя, а что ошибочно и все еще виснет на ногах тяжкой гирей; в том, чтобы по возможности точнее представить грядущее и по возможности лучше подготовиться к нему, не забыв ошибок прошлого, но и не понадеявшись, что хорошее «само пойдет».

К чему я все это? Да к тому, что происходящее в мире не мозаика с рисунком, меняющимся по воле того, кто перетряхивает ее; и не совокупность случайностей, которую, будто абстрактную картину, каждый волен объяснять как бог на душу положит. У происходящего в мире свои закономерности; и каждому есть резон знать их. И разбираться в них.

Говорю: «каждому», потому что в конечном счете они каждого из нас и касаются. Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил 31 июля в Хельсинки на Совещании по безопасности

и сотрудничеству в Европе: «Договоренности, достигнутые нами, расширяют возможности усиления воздействия народов на так называемую «большую политику». В то же время они затрагивают и проблемы житейского характера. Они будут способствовать улучшению условий жизни людей, обеспечению их работой, улучшению условий образования. Они связаны с заботой о здоровье, короче говоря, со многим, что касается отдельных людей, семей, молодежи, различных групп общества».

Замечу к слову, что связь между «большой политикой» и житейскими делами далеко не так относительна, как может кое-кому показаться. По данным ЮНЕСКО, государства всего мира израсходовали в 1967 году на вооружения почти в полтора раза больше, чем на образование, и почти втрое больше, чем на здравоохранение. Сколь-либо существенным образом соотношение этих расходных статей с тех пор, увы, пока не изменилось. Так что даже очень личные наши житейские дела и надежды на будущее весьма тесно переплетены с той самой «большой политикой», которую мы подчас считаем уделом лишь государственных деятелей, дипломатов и генералов; переплетены с надеждами на лучший мир. И совсем небезразлично для каждого из нас, насколько обоснованны эти надежды. Небезразлично, идет ли наш мир к цивилизованным, достойным людей отношениям или это движение — всего лишь движение качелей, поднимающихся в один момент для того, чтобы падать в другой. Небезразлично, надежна ли и устойчива нынешняя разрядка напряженности или она всего лишь просвет, хотя бы и на несколько лет, между двумя циклонами «холодной войны».

...Не журналисту бы, конечно, браться за эту комбинированную тему, а историку и футурологу совместно. Но серьезному историку нужно время; футурологу... нужен историк. А уважающему себя периодическому изданию без этой темы не обойтись. Так что не взыщите, читатель...

Случилось так, что работать журналистом-международником я начал в 1951 году, то есть в первый год второй половины нашего столетия, и последние 25 лет прошли, что называется, у меня на глазах. Это не бог весть какой мандат, но все-таки мандат: ощущения тех давних теперь лет сохранились, и пища для сравнений есть.

Максимально кратко те ощущения можно определить как ощущения осажденности. И если есть в таком определении доля преувеличения, то, думаю, она невелика.

К тому времени шел шестой год, как кончилась вторая мировая война, и пятый, как началась (отсчитывая с фултонской речи Уинстона Черчилля) «война холодная». Мы не оправились еще от чудовищных ран, нанесенных гитлеровцами; на многие наши города и деревни было страшно смотреть: изуродованные остовы домов и заводов, печные трубы на месте изб. Вокруг страны, вокруг только складывавшегося тогда социалистического лагеря — «железный занавес», укрепленный дивизиями НАТО и если уже и не безраздельной монополией, то явным атомным превосходством США.

В подходе западных держав к Советскому Союзу и странам народной демократии тон задавали доктрины американского президента Трумэна (он аплодировал У. Черчиллю в Фултоне), а позже — американского государственного секретаря Джона Фостера Даллеса; они звали к «отбрасыванию» или, на худой конец, к «сдерживанию коммунизма в его границах», к «освобождению» тем или иным путем народов Восточной Европы. О превентивной атомной войне против Советского Союза («пока не поздно») рассуждали вслух даже весьма известные западные политики; они свято верили в собственную безнаказанность, а угрызения совести их не мучили. Какие варианты рассматривали в штабах США и НАТО, можно представить себе по знаменитому, позорно знаменитому номеру американского журнала «Колверс» в 1951 году: обложка — американский солдат в шлеме и с карабином на фоне карты СССР, исполосованной стрелами сверхмощных ударов, а десятки страниц внутри — детальный рассказ об атомном разгроме СССР.

И еще несколько штрихов к картине мира, каким вступил он во вторую половину XX века. Соединенные Штаты неоспоримо доминировали над остальными западными державами. Это позже, в 1971 году, президент Р. Никсон скажет, оправдывая первую с 1934 года девальвацию американского доллара: «Наши прежние иждивенцы стали нашими конкурентами». Но в начале 50-х иждивенцы были иждивенцами. И мало кто в Старом Свете рисковал полемизировать с заокеанскими пророками, самоуверенно предвещавшими установление «Pax Americana» — «Американского мира».

Не было тогда для западных держав ни проблемы энергоресурсов, ни проблемы сырья: бери — не хочу из недр бывших и еще сохранившихся колоний. Словарь Вебстера толковал еще «компьютер» всего лишь как «счетчик», «арифмометр», но первая в США коммерческая ЭВМ «Юнивак-1», созданная «Ремингтон Рэнд Корпорэйшн», уже начала после торжественной церемонии 14 июня 1951 года обслуживать филадельфийское бюро переписи. Громоздкая и примитивная по нынешним стандартам, она дополняла характеристику века, уже окрещенного «атомным», еще одним многозначащим эпитетом — «электронный». Соединенные Штаты были беременны научно-технической революцией и ждали от накопленных знаний и «ноу-хау» (технических навыков) не только упрочения своего мирового лидерства, но научно-технического решения социальных проблем, а стало быть, и укрепления общества «свободного предпринимательства», общества капитализма.

И тогда уже на нашей Земле далеко не все было так, как хотелось бы лидерам международного империализма. При всем опустошении, которое принесла война, мы первыми — и в эти именно, особо трудные для нас годы — нарушили американскую атомную монополию, лишив не в меру горячие головы за океаном надежд на «автоматическую победу» в антисоветской превентивной войне. И это был едва ли не самый важный урок военно-политического благоразумия, который Западу пришлось волей-неволей усвоить. Известный английский историк Арнольд Тойнби, автор многотомного труда «Исследование истории», писал тогда о появлении этого нового фактора в мировой политике: «Впервые в истории людской расы все яйца Человечества оказались собранными в одной драгоценной и неустойчивой корзине... В третьей мировой войне, с применением атомного и бактериологического оружия, кажется невероятным, чтобы Ангел Смерти обошел своим вниманием даже те уголки и расщелины земных человеческих поселений, которые были до недавнего времени так непривлекательны или недоступны (либо тем и другим одновременно), что гарантировали своим бедным, отсталым жителям практический иммунитет против нежелательного внимания «цивилизованных» милитаристов».

Не все, не везде и не сразу усвоили смысл и значение этого нового обстоятельства в судьбах человечества, как далеко не сразу осознали правящие круги на Западе воздействие и другого важнейшего момента: динамизма развития СССР и союзных с нами восточноевропейских стран, становившихся на путь социализма. Мы ведь и тогда говорили, как говорили еще на знаменитой Генуэзской конференции 1922 года, что выступаем за мирное сосуществование государств с различным общественным строем, а следовательно, и за сотрудничество. И делали вполне конкретные предложения на этот счет. Увы, лидеры Запада отмахивались от них, как от «очередных порций красной пропаганды», отвечая все более чудовищными инвестициями в «холодную войну» и доводя ее временами, по выражению того же Дж. Ф. Даллеса, до критического состояния «балансирования у грани» войны настоящей.

Согласитесь, что в те времена было от чего испытывать ощущение осажденности; и вряд ли бы кто поверил тогда, что всего лишь четверть века спустя картина мира изменится столь существенно, как это в действительности произошло.

...В феврале в Кремлевском Дворце съездов состоится юбилейный, XXV съезд нашей партии. Мы все с интересом ждем Отчетного доклада ЦК КПСС, его оценок. Они затронут очень многие стороны нашей внутренней жизни и международного положения. Но, несомненно, один из главных его выводов будет о том, что удалось наконец заметно отодвинуть угрозу всеобщей ядерной войны, что серьезные изменения в соотношении сил на международной арене в пользу социализма делают куда более оптимистичными перспективы сохранения мира на нашей Земле и более обоснованными надежды людей на лучшее будущее.

Я хотел бы подчеркнуть этот вывод тремя чертами и сопроводить его тремя восклицательными знаками. Мы ведь так часто в самые последние годы читаем и слышим подобные слова, что неизбежно привыкаем к ним, воспринимаем как нечто само собой разумеющееся и порой упускаем содержащийся в них великий смысл. А речь ведь, по сути дела, едва ли не о самой важной перемене в жизни человечества за всю его историю: впервые война перестает быть средством, оправдывающим цели. «За последние годы, — говорил Л. И. Брежнев на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 13 июня 1975 года, — убеждение в возможности и, более того, — необходимости мирного сосуществования утвердилось в сознании как широких народных масс, так и правящих кругов большинства стран. Разрядка международной напряженности стала возможной потому, что на мировой арене установилось новое соотношение сил. Теперь уже руководители буржуазного мира не могут всерьез рассчитывать решить исторический спор между капитализмом и социализмом силой оружия. Все более очевидными становятся бессмысленность и крайняя опасность дальнейшего накаливания атмосферы в условиях, когда обе стороны располагают оружием колоссальной разрушительной силы».

Приведу небольшую иллюстрацию к сказанному. Вилли Брандт, бывший феде-

ральный канцлер Западной Германии, говорил по случаю присуждения ему Нобелевской премии мира: «Угроза самоуничтожения человечества сделала мирное сосуществование не просто одной из приемлемых возможностей, но единственной возможностью выжить!» И еще одно свидетельство на ту же тему. Покойный ныне Стюарт Олсоп, один из самых именитых (да и умных) американских обозревателей, рассказывал однажды, как 13 лет назад (во время так называемого «карибского кризиса», когда Вашингтон был еще полностью уверен в своем ракетно-ядерном превосходстве над Советским Союзом — в соотношении примерно 3 : 1) он высказал тогдашнему министру обороны Роберту Макнамаре предположение, что такое состояние не может сохраняться вечно и что «рано или поздно Советы добьются способности к ответному удару». Подумав, Р. Макнамара ответил, что, по его мнению, в этом случае общим результатом будет более стабильный «баланс страха».

О теории «баланса страха», которая была положена в основу военных доктрин на Западе, уже писано и переписано. Скажу лишь главное: очевидно, что действительно прочным и надежным мир может быть лишь в том случае, если он будет основан не на «балансе страха», а на балансе интересов, на балансе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества. И само собой разумеется, что установление такого мира может быть достигнуто лишь путем ослабления, облегчения, а потом и снятия вечного бремени вооружений с плеч человечества. Именно эту цель и преследуют хорошо известные советские предложения о разоружении.

Все мы, кто в большей, кто в меньшей степени, знакомы с важнейшими международными соглашениями последних лет: договором между СССР и ФРГ, четырехсторонним соглашением по Западному Берлину, Принципами советско-французского сотрудничества, Основами взаимоотношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами, советско-американскими документами по предотвращению ядерной войны и ограничению стратегических вооружений... Знакомы, конечно, и с историческим Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В них зафиксировано согласие сторон по многим проблемам. Главное же в том, что совокупность этих документов есть не что иное, как **ратификация основной истины нашего времени:** при нынешних условиях в мире государствам с различным социальным строем можно либо сосуществовать, либо не существовать вообще.

Сейчас, пробуя представить себе, что ждет нас всех впереди, пробуя заглянуть в следующую четверть века, мы вправе спросить, конечно: насколько долгосрочна эта истина, выдержит ли она испытание временем, не будет ли перечеркнута противниками мирного сосуществования или обстоятельствами, которые мы пока не в силах предвидеть?

Летом 1974 года, во время второго визита в Советский Союз президента США Р. Никсона, я спросил одного из самых известных в Америке телекомментаторов, Чанселора: «Предположим такую гипотетическую ситуацию: волею случая на президентских выборах 1976 года выигрывает, опираясь на военно-промышленный комплекс, на «ястребов», на реакционеров в американском профсоюзном движении, вроде антикоммуниста, лидера АФТ — КПП Мини, на могучую поддержку сионистов, выигрывает сенатор Джексон, «ястреб из ястребов». Изменится ли в этом случае политика США относительно разрядки и, в частности, политика в отношении Советского Союза?» Чанселор ответил примерно так: «Такая ситуация действительно гипотетична и маловероятна. Но даже если сенатор Джексон и станет президентом, ему придется считаться все с теми же ракетно-ядерными и иными реальностями в мире, как пришлось считаться с ними такому откровенному в недалеком прошлом антикоммунисту, как Ричард Никсон».

Вряд ли кто рискнет сказать, какие неожиданности сулит человечеству наука к началу XXI века. Но достаточно хорошо известно и, думается, прочно усвоено уже всеми понимающими свою ответственность государственными деятелями, что **уже** накоплено достаточно ракетно-ядерного и другого оружия массового уничтожения, чтобы многократно испепелить на Земле все живое. Ни одно новое открытие или изобретение, будь оно даже сильнее ядерного, не в силах уже отменить эту реальность, а стало быть, и истину, что сосуществовать безопаснее, чем балансировать в перманентной конфронтации друг с другом, что такая конфронтация чревата самоубийственной катастрофой. Это именно соображение и будет, я убежден, лежать в основе «большой мировой политики» на обозримое будущее. Убежден, что международное сообщество государств и народов будет предпринимать все большие усилия к тому, чтобы обуздать и обезопасить себя от чудовищного франкенштейна массового уничтожения.

В наше время изменилась, если угодно, сама психология «большой мировой политики», и изменилась не только под воздействием доводов «от противного»: если не разрядка, то кошмар ядерного небытия. Выявились за минувшие 25 лет и другие реальности в мировой ситуации: глобальные проблемы, решение которых не под силу ни одному отдельно взятому государству, как бы могущественно и богато оно ни было. Таких глобальных проблем уже целый перечень, и он, несомненно, будет удлиняться: проблема топлива и сырья, проблема продовольствия, проблема сохранения окружающей среды и освоения Мирового океана, проблемы международного транспорта и коммуникаций, борьбы с болезнями, освоения космического пространства... Четверть века назад о любой из них широкой публике было мало что известно; их будто не существовало. Теперь радио и телевидение, газеты, политики, ученые, врачи, экологи напоминают о них ежедневно.

Новая ситуация такова, что индустриально развитые страны капиталистического мира, включая и чрезвычайно богатые природными ресурсами Соединенные Штаты, оказались без достаточных для себя собственных источников сырья и топлива. США, к примеру, вынуждены импортировать больше трети потребляемой ими нефти, Западная Европа — 70—80 процентов, Япония — без малого все 100 процентов. Былые времена дешевого сырья и топлива, когда империалистические державы могли черпать в зависимых территориях — «к востоку от Суэца», «к югу от Средиземного моря» или «к югу от мексиканской границы США» — все, что им было нужно, по упомянутому принципу «бери — не хочу», — эти времена уходят в прошлое, по всему видно, безвозвратное.

Западная печать уже полна статей на тему о «новой холодной войне» — «между богатым Севером и бедным Югом», и предсказывает, что она будет одним из основных факторов в международной жизни на предстоящие десятилетия. Условность, относительность такого деления мира очевидна: Советский Союз — к северу от экватора (и с собственным сырьем и топливом), Австралия — к югу, расистская Южно-Африканская Республика — тоже. Но при всех этих оговорках факт остается фактом: проблема есть, и долгосрочное, разумное решение ее в мире, каким он стал в наше время, возможно лишь на основе взаимного согласия, на основе взаимовыгодного сотрудничества. «Новая холодная война» — а у нее есть на Западе свои сторонники, призывающие к нажиму на развивающиеся страны «третьего мира», — так же бесперспективна, как оказалась бесплодной и старая «холодная война».

В этих условиях ни одна западная держава, как заметила однажды лондонская «Таймс», не может позволить себе роскоши игнорировать такой резервуар сырья и топлива, каким является Советский Союз. И это обстоятельство тоже будет работать в пользу утверждения на Земле отношений взаимовыгодного сотрудничества между Западом и Востоком, а в конечном счете — между всеми странами и народами. Иного решения этих глобальных проблем нет. И без такого всестороннего, равноправного, делового сотрудничества они могут стать лишь еще острее. Намного острее.

Экспертами подсчитано, что население Земли удваивается при нынешних темпах роста каждые 34 года. Это значит, что к началу XXI века человечество будет насчитывать больше шести миллиардов людей. А между тем оказалось, что при всех надеждах, которые возлагали в 60-х годах на так называемую «зеленую революцию» (выведение новых высокоурожайных сортов пшеницы и риса), положение в мире с продовольствием не улучшилось. По данным ЮНЕСКО, на грани голода живут 460 миллионов человек. И в то же время, как с горечью заметила однажды Индира Ганди, премьер-министр Индии, только в одной Западной Европе домашним животным скармливают больше молочного порошка, чем получают его дети всех развивающихся стран мира. В этом сравнении — счет, который предъявляют сейчас бывшие колонии своим бывшим господам, и, думаю, не ошибусь, предположив, что в предстоящие десятилетия западным державам придется в той или иной мере оплачивать его.

В рамках этих заметок невозможно привести даже обобщенные суждения признанных авторитетов о вероятном развитии проблем, уже существующих и тех, что возникнут. Хотелось бы, однако, отметить в заключение: экстраполируя (как сейчас модно выражаться среди прогнозистов и футурологов) нынешние тенденции политического, экономического, научного развития в будущее, следует, конечно, всегда иметь в виду, что наш мир изменчив еще и в социальном плане. Вы помните, дорогой читатель: вторую половину XX века лидеры империалистических держав начинали под знаменами «оттеснения» социализма. В последнюю четверть века капитализм вступает, переживая, по общему признанию его руководителей, самый тяжелый и затяжной кризис со времен Великой депрессии 30-х годов. Сравнение, как видим, и в этом смысле в пользу социализма. Через двадцать пять лет, мы уверены, оно будет еще убедительнее.

СОБСТВЕННО, ЭТО УЖЕ НАЧАЛОСЬ

Ю. СТЕПАНОВ

Кажется, это было единственное, в чем расходились все приехавшие с БАМа, — они не помнили, какая там была погода. Один вспоминал — даже письменно: «Сибирь встретила нас ласково. (Потом он уже вспоминал «погоду на БАМе» — не в Усть-Куте, не в Сибири, а именно на БАМе: там для них уже была *своя* погода.) Всем, — писал он, — сначала казалось, что тут постоянные дожди и слякоть. А здесь оказалось все не так. Ходи хоть в босоножках на работу, прямо как в Москве».

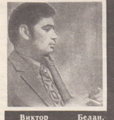
Но другой вспоминал именно дожди, великое их множество. И вот тут все расходились совсем, особенно когда вспоминали свой «потоп». Чех утверждал, что дожди перед тем, как переполнились реки, лили семь дней, кубинец говорил — три. Немец же, зная, что он-то и есть абсолютно прав, сказал: «Конечно, пять». Но главное было все-таки в том, что на БАМе для них уже была своя погода, и ее можно было вспоминать как погоду своих родных мест или краев, где ты долго был, но покинул их и, может быть, не навсегда.

Поэтому, когда мы в редакции встретились с Геннадием Лукичевым, командиром всего отряда «Дружба», я предложил ему:

— Не будем оригинальничать, Гена. Начнем с погоды.

— А вы думаете, командир лучше мог запомнить? — усмехнулся он и сразу доказал, что разговор о погоде может быть и не пустым, как об этом принято думать.

Владимир Зайчик, ЧССР: «Нас было 310. Из девяти стран. Все вместе — интеротряд «Дружба». Строили жилые дома, клубы, школы, больницы... Честно говоря, в сравнении с тем, что там еще предстоит сделать, сделали пустяк».

Виктор Белан, СССР: «Было трудней, чем в армии, потому что без всякого принуждения надо было каждому испытать себя. Когда уезжали, нас спрашивали: «Зачем едешь?» Кто говорил — поработать, кто — заработать, кто — посмотреть. А в конце вышло другое: ехали что-то сделать. И сделали».

Тибор Урбан, ВНР: «Для меня БАМ был не только стройкой дороги или домов, а стройкой — если так можно сказать — человеческих отношений».

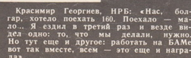

Квасна Драгош, ЧССР: «Знал, что комары, мошка́. Трудно. И все-таки это не поразило. Другое поразило. Прибиваем одну доску — поляк, кубинец, вьетнамец, я. Чуть поднять, немного развернуть, держать хорошо... Пустяк — доска, но где-то через минуты уже забываешь, кто с тобой: нет страны — есть люди, забывается страна — человека приобретаешь».

Хосе Кеседа, Куба: «Виктор Белан сказал: трудней, чем в армии. Может быть. Я бы сказал: как на сафре, очень трудно. Но что значит трудно? Я-то помню, как самой большой задачей командиров было уложить нас вечером, оттащить друг от друга... И выходит, хорошо было, прекрасно. Стольких людей узнать сразу и полюбить! Это на все наше будущее...»

Красимир Георгиев, НРБ: «Нас, болгар, хотело поехать 160. Поехало — мало... Я ездил в третий раз и везде видел одно: то, что мы делали, нужно. Но тут еще и другое: работать на БАМе вот так вместе, всем — это еще и награда».

— Приезжаешь на новое место, — говорил он. — Смотришь на небо. Даже не замечая этого. Потом на землю... А там было на что посмотреть. Один из чехов, помню, сказал: такой, говорит, девичьей природы у нас в Европе уже не увидишь, нет ее. Мне это «девичьей» понравилось... Потом, наверное, глядишь на место, где жить. Потом... Не знаю даже, на что потом. Только приятно приезжать на новое место, когда тепло. Мы все-таки приехали, когда тепло было. И солнце. Приятно было начинать.

— А сколько все-таки дождь шел? Перед наводнением?

— Да, знаю. Кто говорит — семь дней, кто пять. Даже две недели говорят... Два дня он шел. Настоящий. А вообще-то не было дня без дождя. А многие — сейчас знаю — его даже не заметили. Тогда замечали, а сейчас не помнят. Не спроси вы, я тоже вспомнил бы одно: солнце было, и все.

Стали рассматривать их «бамовские» фотографии, Геннадий так и называл их. Все их, кстати, делал болгарин Петр Кынев, и Геннадий рассматривал их медленно и говорил, не называя фамилий, вспоминая только для себя, а для себя неважно было, кто это был по имени, важно было, каким тот человек был и теперь остался в памяти.

— Вьетнамец один, — показал взглядом на стоявшего среди других. — Вот хороший был...

И не закончил. Ничего не сказал больше. А я не спросил. Мне и в голову не пришло расспрашивать, чем он хорош, хватило того, как Геннадий сказал это, как долго держал фотографию и не сводил с этого хорошего для него человека взгляда. Выходило, действительно тот человек был хороший, и узнай я совершенно точно, чем он был хорош, и поверь в это, все равно другому человеку ничего более лучшего не мог бы сказать. Наши многие сведения о людях, которые мы добываем порой с таким трудом и потерями для себя, в конце концов все-таки приходят к одному: этот человек хороший, а этот, извините, не очень.

— А эта... Ох и танцевала! Сама монголка, а танцевала казахский танец... До чего ж здорово! Вот... Только дека видна... Там тоже монголка — аккомпанировала ей. А за ней — там русский сидит, совсем его здесь не видно. Этот всем играл. Что угодно мог на баяне.

Выходило, и эти были хорошие.

Еще снимки. Наскоро сбитые доски... Лужи... Сырой день... Ветер... Грязь... И люди... Что-то поражало, что-то было в каждом снимке, какое-то лежащее на поверхности — на самом виду — несоответствие. И очень приятное.

Лица — вот что. Чистые, радостные лица. Даже очень чистые. И каждый в себе и с другими одновременно. И это среди сырого дня, средь неуюта — и все равно так, все равно радостные, счастливые.

Они были иностранцами — все эти люди, но строительный отряд есть строительный отряд, и никто им не готовил ничего особенного, такого, чтобы они в Сибири попали сразу в уют. Они сами себе все должны были сделать и знали это. И в этом был свой большой смысл, потому что человек должен увидеть все как есть и попробовать построить себя, как строят дом, город, дорогу — то есть с начала и до конца, и все равно это ему придется сделать, или он останется никем, даже не самим собой. Выходило, что они строили не только дорогу, а и себя, свои отношения друг с другом, и не только на сегодняшний день, но и на все будущее, и наверняка им приходилось трудно. БАМ — видели они — действительно начинался грандиозно, одно количество техники поражало их — потом об этом будет вспоминать каждый. Но вклад интернационального отряда, вобравшего в себя людей из девяти стран, в эту стройку был даже особенным, и особенность эта как раз и заключалась в том, чтобы строить не только дорогу в тайге, но и свои отношения друг с другом, и значит, им было еще трудней. И вот эти радостные лица на фотографиях...

Как это все было? И что из этого останется на будущее? Вот что надо было узнать, и тогда, наверное, я пойму все, как понимает это Геннадий. И он уже знал, что ему вспоминать, мне же оставалось только не мешать ему и не помогать из маленького делать большое, а из большого значительное; только оставить воспоминания такими, какими они были на самом деле, потому что принадлежали они человеку, который уже мог судить о тех, с кем провел время, коротко и замечательно.

Так я и сделал.

БАМ начинался для всех по-разному. Первыми приехали наши квартирьеры, и все как один вспомнили Лондона. И правда, чисто внешнее сходство с Клондайком было почти полное. И чувство у всех, наверное, было то же самое, как у тех, что увидели впервые Клондайк, — и возбуждение, чуть нервное, с радостью и тревогой, и желание делать что-то — прямо сразу, вот сейчас, едва ступив на эту землю.

Больше всего напоминал Клондайк и Лондона наш лагерь Звездный. Сознаюсь, я его и любил больше других мест. Эта стена тайги вокруг — настоящей, непроходимой. И даже комары... Я на что уж блондин — комары вроде таких как раз и любят, — но меня почему-то не очень ели. А других... Я приезжал туда и иногда просто не узнавал ребят. Вижу, идет навстречу — кто? — не Имре ли Макаи? Или не он? «Ты?» — спрашиваю. «Я», — говорит. А даже не то что лицо, улыбка совсем другая — что комары творят! И был такой немец — бригадир Хельге Хайнкер, тоже беленький. Невозможно узнать! Ноги, руки, лицо — все опухло. Потом их, кстати, научили местные — мыть надо: легким раствором уксуса или соды лицо, руки... Но смеялись. Это, мол, что, говорили. «Ерунда сейчас. Вот раньше было!» — «Да что, — спрашиваю, — раньше-то было? Что могло еще такого быть?!» Стена комаров сплошная — рукой можно раздвигать. И все-таки красота.

А начинался для звездинцев БАМ так... Было утро. Вслед за квартирьерами прибыли все остальные. А уже в десять часов составили бригады, выделили звездинцев — 106 человек — и отправили их в аэропорт. Он был на плато — пятьсот метров над уровнем моря, в двадцати шести километрах от нас. Туда должны были прилететь вертолеты и увезти их в Звездный. Помню, я еще посмотрел на их комиссара: я видел его впервые, это был чех Володя Зайчик— небольшого росточка, щуплый, не такой, в общем, чтобы один его вид внушал почтение. Бывают ведь и такие.

День шел. Связь между поселками неважная — до любого места приходилось дозваниваться через несколько коммутаторов, через тайгу, и если где-то обрыв, то все — хана! — не пробьешься. Я так и думал, что они уже на месте, ничего другого просто не могло быть. Дозвониться ни до аэропорта, ни до Звездного не удавалось, когда уже вечером меня нашел начальник Западного участка БАМа: они — все сто шесть — сидели в аэропорту. Где-то на Нее шел пожар, и все вертолеты, естественно, были там. Но они-то этого не знали.

Когда мне удалось добраться на плато, они стояли стеной — все сто шесть... И тут я заметил эти улыбочки. Мало их было, но все-таки. Если перевести их на слова, они означали: «Вот тебе и БАМ! Хорошенькое дело!» Можно и по-другому перевести, но мне было уже некогда — надо было говорить. Не думаю, что я сообщил им какие-то удивительные новости. Я говорил о том, зачем мы здесь; о том, что если бы тут все оказалось просто и легко, то вряд ли мы могли почувствовать себя здесь так нужными; о том, что тут все-таки будет когда-то, и, может быть, благодаря и нам, хоть немного.

Я видел, как пропадали те улыбки. Это ни с чем не сравнимое чувство: видеть, как исчезают вот такие улыбки... Но они еще не знали самого главного: не знали, что ночевать им негде. Я мог взять вниз — в палатки — только половину, остальные должны были остаться тут — без матрацев, без одеял — без всего. До утра. До вертолетов. И это первая ночь — их первая ночь здесь.

Я сказал об огне на Нее и об этой их первой ночи. Последнее, что я спросил: «Кто хочет остаться? Пусть останутся добровольцы. Остальные — вон два автобуса — пусть садятся». И тут же пожалел о том, как еще утром подумал о том щуплом и невзрачном на вид чехе — Володе. Он вышел первым: «Мы остаемся». Через минуту уже оставались все, и стоило огромного труда, чтобы кто-то сел в автобусы и ехал вниз. И это был уже наш БАМ.

Квасна вспоминает о доске — как прибивали, ворочали ее. Говорит, сразу почти забыли, кто из них кто, и уже не было для него ни поляка, ни вьетнамца, ни кубинца. А мне кажется, не так все просто. И так, и не так. Вечера вспоминаю.

Разделились на бригады. Сразу решили: в бригаде человек одиннадцать — и не больше двух человек одной национальности — интеротряд так интеротряд, даже в малом. Работают день. Кончают. Вечер. И все само собой происходит: бригада на глазах рассыпается, будто ее и не было весь день. Только и видишь: вон у костра сидят монголы, вон кто-то другие. И все вроде понятно: как иначе? Хочется побыть со своими. Это много значит — «со своими»: и трудно, и язык. И было так недели две, не меньше... А потом что-то произошло. И действительно каждый забыл, кто он. Все смешалось — даже вечером, у костров. Еще только работа кончается, а уж слышно: поют во все горло украинскую песню. Бригада идет, там украинец был бригадиром, он и научил всех. А болгарин был бригадиром — тот научил всех своим партизанским песням. И уж так и шли. И не расходились уже. До ночи. Вот когда действительно все смешалось. Но начиналось, конечно, все с той «доски». Правда.

Жилье есть жилье, и надо, чтобы в нем был порядок. Мыть попросту надо в нем, и лучше каждый день. Но приходят чехи, говорят: мыть, мол, никак не можем, нет горячей воды. Сделайте, чтобы она была, тогда будем мыть, вообще-то мы не против. Могли, между прочим, прийти и другие, любые могли прийти. Мне кажется, есть вообще такие люди: вот понимают они, что что-то невозможно, но и не спросить не могут: а почему, собственно, это невозможно? Так и подмывает их.

«Пойдемте», — говорю. Идем. Подходим к большому котлу. Он стоит здесь же, в лагере. И я начинаю откровенно валять дурака. «Вот, — говорю, — котел». — «Да. — говорят, — видим. Он все время здесь». — «Вот его надо помыть, — говорю. — Только лучше хорошенько». — «Хорошо», —

говорят. «Потом взять ведра, — говорю. — Знаете, где ведра?» — «О да!» — «Лучше, — говорю, — взять два ведра, в каждую руку по одному, для перевеса, — и сам чувствую, как меня разбирает смех. И их, вижу, тоже. — А речка, — говорю, — течет вон там, Нея называется... Когда принесете воду, то аккуратно выльете ее в котел. Потом нужны дрова. Дрова знаете где? Потом...»

Больше никто не приходил. И мыли все. И довольны были. Трудно поначалу обучить каждого быть хозяином, но получалось все-таки.

Как с дорогой... Машин на БАМе тьма, вообще техники колоссальное количество. А бортовых мало, не хватало, и людей возить не на чем. На работу в самом начале ходили пешком. А это иногда пять километров туда да после работы обратно. Тяжело. Но дней через десять дали машины. Не дали, нашли с трудом. И вот: смеются! То есть действительно смеются. И радуются, и над самими собой прежними смеются — над тем, как ворчали. «Это ж какая-то привилегия, — говорят. — На работу — и вдруг ездить!» И хорошо всем, и стыдно, и опять хорошо.

Приехали — умываться бегали к реке. Оно и романтично, а холодно, однако, как говорят в Сибири. Задумали поставить умывальник: цистерну поднять, сделать для нее площадку, две трубы отвести вниз, там краны. Пришли молодые ребята — сварщики. Варили десять дней — днем и ночью. Непростое оказалось дело. Потом печь в столовой переваривать пришлось. Опять они. Здесь уж только ночью приходилось работать: днем печь варит, а ночью они ее — все швы обваривать пришлось. Да так, чтоб с утра она уже была как штык, есть-то каждый день надо. И ни один ни звука не сказал — что трудно, что не спавши совсем. Улыбаются себе утром — рады, словно подарок сделали. Только есть не смогли, спать повалились. И все вокруг ходили тихо, друг на друга шикали: «Спят наши ребята... Тссс!» На всех языках.

Мне неловко об этом рассказывать — все какие-то здравомыслящие люди... Я говорю, что наши шоферы Женя и Толя, когда прощались с нами, плакали. Просто стояли и плакали. Взрослые люди — семьи, дети, а они стеснялись и плакали. А мне теперь говорят: «Почему?» Могу сказать, что им понравились наши ребята, могу рассказать, как Женя надорвался однажды, просто слег. Не то что заболел чем-нибудь, а просто надорвался, все устало у него. А человек, которому я все это говорю, человек, наверное, слишком трезвый, смотрит понимающе, кивает ласково, потом подмигивает и тихонько спрашивает: «А все-таки почему плакал-то?»

Они были оба из Усть-Кутского автопарка. Там и жили — в Усть-Куте. Приезжали к нам рано утром, и потом весь их день принадлежал нам. Собственно, работа у них была нормирована. Но вот банный день, и они оба вкалывают до одиннадцати. И ни один ни разу не сказал, что он перерабатывает, что ему за это не платят и что им еще поздно ночью ехать домой, ехать почти час — и по здешним дорогам, а там еще возиться с машиной — мало ли что еще.

Женя приезжал к нам на все праздники, на футбол. С женой, с сыном. И стеснительный — никогда не подойдет, ничего не попросит. Подойдут к нему наши ребята: «Может, пообедаете с нами?» — «Нет, — говорит, — мы тут взяли с собой. Ягод походили пощипали». И ничего-то ему не надо... Только не спрашивайте, почему они плакали. Ладно?

Работали все так, что трудно о ком-то особо говорить. Невозможно. Хоть на бетономешалке... На ней и всегда в две смены работали — и в день и в ночь. Бетон всегда нужен, и запастись им старались все — каждая бригада. А однажды так вышло: нет второй смены, некому в ночь идти. Просто спросили у тех, кто был в день: «Кто останется?» И ни один не ушел.

Или на болоте... Бригада Красимира Георгиева склад строила. Грунт насыпной — сибирская земля вперемешку с камнем. Тяжелый грунт. А надо лунки бить. Красимир первым взялся — надо было понять, сколько в норму можно выбить. Он, правда, здоровый парень: не пьет, не курит принципиально, спортсмен. Потом каждому назначил, себе, конечно, побольше взял, и уважать сразу стали его. А потом и бур пришел, легче стало, а до этого вот так — ломиком.

Или склад, помню, сдавали — нарадоваться не могли. Здание огромное и серебристое все. Перед этим соревновались: кому последний гвоздь вбивать. Переживали все страшно... А теперь над Звездным летишь — и первое, что видишь: что-то серебристое, огромное, и буквы по крыше — тоже огромные, краской ребята вывели: «ДРУЖБА». И честно сказать, приятно видеть. Очень. Так и глядишь, пока видно, не оторваться.

Монголы приехали последними — из Иркутска. Один из них уже был в лагере, все говорил, какие богатыри приедут. «Вот, — обещал, — приедут, посмотрите». Глядим: маленькие, тоненькие идут, миниатюрные прямо. Да еще устали с дороги, им бы лечь — они так и думали: приедем и в постели. А лагерь еще не готов, негде лечь. Ничего, держатся. Молчаливые все. Самые застенчивые были эти «богатыри», да еще и русского почти не знают — всего по полгода у нас, в Союзе.

А через десять дней их праздник как раз — День народной революции. Стали готовиться, каким-то своим блюдом хотели они всех угостить — удивительным, монгольским. Стали мы противни гнуть — обязательно это надо делать на противнях почему-то. А как стемнеет, все в разные кусты — кубинцы в одном конце что-то поют, болгары в другом, немцы в третьем. Одни гитары слышны. Спрятаться-то негде, а очень всем хочется, чтобы все сюрпризом было для монголов.

И вот 11 июля. Народу в столовой — как там говорят, с горой набилось. Подарки, вымпелы от каждой страны. Сидят наши монголы растроганные, вижу, до слез почти. И так переживают — то один куда-то выбежит, то другой выскочит — все ищут кого-то и так боятся, чтобы праздник их плохим не вышел. А вышло все прекрасно. И монголы наши светились все, как новенькие, будто родились только. И всем было так хорошо, что и рассказать не могу. Лучше не буду.

А вот еды той их не получилось. Не знаю уж почему, а не вышла она у них. И так они переживали...

Уже здесь было. У моря, в поселке Лермонтовском Краснодарского края, был польско-советский студенческий семинар. Помню, как-то после заседания решили всех распустить: «Двадцать пять минут — надеть плавки — и в море. Хватит?» Поляки подходят ко мне — те, что были на БАМе: «Эх, туда бы их! На плавки двадцать пять минут!» И уже чувствуют себя какими-то особенными. И ни одного пока не встретил, кто бы еще не хотел поехать.

Как-то встретились с Альфредом Шаллером. Немец, комиссаром был. Он говорит: «Если подумать, что произошло там летом, то это, может, не меньше, чем фестиваль молодежи».

Совсем несравнимые вещи. Прекрасно понимаю. Но слово-то сказано... Может, и мало сделали — для БАМа, а для себя — много. То тепло, что там приобрели, его ведь уже в будущем не растерять. Захочешь, а не выйдет ничего. Непросто досталось. Но ведь забыли же дожди...

Это нынешний день Чили. И завтрашний тоже — как рассчитывает некто по имени Аугусто Пиночет, главарь военной хунты, установившей в Чили режим фашистской диктатуры. Пиночет, нужно сказать, любит порассуждать о будущем страны. 17 июля 1975 года он держал речь в городе Консепсьоне. Вот одно из его откровений:

— Я умру, скорее умру, но выборов не будет!..

Все понятно. Фашисты есть фашисты. Они затем и захватили власть, чтобы не расставаться с ней и чтобы изменить весь ход развития моей родины.

Во время той же поездки в Консепсьон Пиночет выступал перед молодежью, втолковывал ей под дулами автоматов свою программу:

«В своей Декларации принципов правительство Чили провозгласило антикоммунизм, потому что коммунизм есть доктрина, противоречащая духовной свободе человека и основным национальным интересам. — Пиночет, как видите, считает себя специалистом по проблемам духовной свободы и национальных интересов... Послушаем, однако, дальше: — Но наши усилия не ограничиваются лишь противостоянием коммунизму. Наши моральные и националистические принципы, составляющие основу этого противостояния, побуждают нас к установлению нового порядка, к чему мы и приступили с первого же часа».

Что же это за «порядок», который Пиночет и его подручные силой навязывают нынешнему и будущему поколениям чилийцев? И «новый» ли? Узаконена эксплуатация человека человеком — «порядок»... Страна вновь попала в экономическую, политическую, военную, идеологическую зависимость от империалистических монополий — «новый порядок»... Предприятия, переданные правительством президента Альенде рабочим, возвращены бывшим хозяевам, крупным финансовым концернам — как чилийским, так и иностранным; латифундисты отобрали у крестьян земли, полученные в ходе аграрной реформы; добыча и переработка нефти, урана и других природных богатств Чили денационализированы и опять отданы алчным международным монополиям, североамериканскому капиталу — все это, по Пиночету, и есть учет «основных национальных интересов»... Чтобы угодить этому капиталу, хунта создала условия для сверхэксплуатации чилийцев, сократив количество рабочих мест на 40 процентов по сравнению с тем, сколько их было при правительстве Народного единства. Из 2,5 мил-

ДЕНЬ, КОГДА МЫ ВЕРНЕМСЯ

Эдуардо ЛАБАРКА,
чилийский писатель, — для «Ровесника»

Уровень жизни среднего чилийца снизился с 1970 года на 40 процентов. В то же время рыночные силы привели к сосредоточению колоссальных прибылей в руках тех, кто обладает достаточными средствами, чтобы извлечь выгоды из создавшегося положения. Происходит быстрое перераспределение богатства в пользу самых богатых слоев общества.

«Файнэншл таймс» (Лондон)

30 процентов чилийцев страдают от недоедания, 30 процентов бюджетных средств расходуются на вооружение и всего 1 процент — на нужды здравоохранения. Более половины мест в больницах пустуют ввиду высокой стоимости лечения; многие лечебные учреждения переоборудованы в тюрьмы.

Карлос Конча, бывший министр здравоохранения в правительстве Народного единства Чили

Ударами дубины надеются вымуштровать чилийскую молодежь, освобожденную от следов «иностранного влияния» и избавленную от проблем совести. А пока ожидают появления этой коротко остриженной, с тупым взглядом, «пиночетюгенд», которая будет маршировать гусиным шагом, подобно «гитлерюгенд», индекс инфляции достиг фантастической цифры — 375 процентов. 20 процентов чилийцев лишены работы, а бедственное положение народа сейчас сравнивают с «медленным геноцидом».

Робер Мерль, французский писатель

После фашистского переворота в сентябре 1973 года от рук палачей хунты погибли 12 тысяч коммунистов. Десятки тысяч членов компартии были брошены в концлагеря, в их числе Генеральный секретарь Компартии Чили Луис Корвалан.

Орландо Мильяс Корреа, член Политической комиссии ЦК Компартии Чили

лиона чилийских трудящихся не имеют работы 600 тысяч человек. А такая «теснота» на рынке труда — первейшая предпосылка для усиленной эксплуатации рабочей силы предпринимателями.

Наконец, концентрационные лагеря, пытки, убийства — не их ли имел в виду Пиночет, говоря о «духовной свободе человека»... Так вот ради чего — ради этой «свободы»! — фашисты узурпировали власть и, круто изменив курс истории Чили, установили самый реакционный режим, который когда-либо знала моя страна...

Мы, чилийцы, чувствуем, понимаем, что сейчас взоры миллионов людей во всем мире обращены к нам, к нашей родине, что за нас переживают, с горечью и состраданием думают о том, какие испытания готовит чилийскому народу будущее. Ведь дело не только в угрозах, которыми обильно наперчена демагогия Пиночета. Судя по действиям хунты, ее конкретным программам, фашисты рассчитывают всерьез пустить корни, закрепиться на чилийской земле.

На кого они делают ставку? Сразу бросается в глаза, что хунта усиленно заигрывает со студенчеством, молодежью, даже с детьми. Политика эта проводится через так называемый «Национальный секретариат молодежи», которому из государственной казны щедро отпускаются средства на организацию карнавалов, празднеств, спортивных соревнований. Но это не простые праздники молодости, их подоплека — четко политическая и идеологическая: перетянуть молодые и неопытные души на сторону хунты. С этой целью и устраиваются церемониалы, взывающие к духу нацистской Германии и внушающие их участникам мистический фанатизм в служении военному режиму, парады и ночные шествия с факелами и кострами.

Как я уже сказал, хунта не забывает и детей. Прислужнику диктатуры, фашистскому психологу Эрнану Твейну было поручено разработать программу «перевоспитания» 600 тысяч ребят, родители которых — трудящиеся, состоявшие в демократических партиях и организациях или симпатизировавшие им. Этих детей начали было разлучать с родителями и помещать в специальные лагеря, где им прививалась бы идеология фашизма. Эту операцию так и не удалось осуществить на практике из-за многочисленных протестов в Чили и за границей. Но планы «перевоспитания» детей не были отменены. Так, глава Национального объединения детских садов некая Эрна Леигтон в августе 1975 года в письменной инструкции всем директорам детских садов страны обязала проводить каждую неделю с детьми 3—5-летнего возраста воспитательные церемонии с явно милитаристским уклоном. Детям, едва начавшим входить в элементарный контакт с окружающим миром, предписано маршировать строем и распевать так называемый «Гимн вооруженным силам»:

Солдаты и моряки,
летчики и карабинеры —
вот храбрецы!
Жертвуя своими жизнями,
они дали нам свободу.
И мы, детишки-молодцы,
клянемся им помогать,
быть радостными шалунами
и слушаться своих мам.

Подобная трескотня лавиной сыплется на детей в детских садах и школах — режим не жалеет ни сил, ни средств, стараясь оглупить, а тем самым и завоевать на свою сторону будущее поколение чилийцев.

Безусловно, фашизм пробивает себе дорогу в сознание некоторой части молодежи. Но он наталкивается на препятствия, очень большие препятствия. Расскажу в подтверждение хотя бы одну историю. 6 марта 1975 года Пиночет решил показаться перед страной в окружении детей.

Сопровождаемый пышной свитой и огромным числом телохранителей, он нагрянул в известный лицей Габриэлы Мистраль, в столице Сантьяго. Детей построили, и вот перед ними собственной персоной явился «президент». И что же? Из шеренг ребят то там, то здесь стал раздаваться *шепот, он становился все* громче и наконец перерос в общий крик: «Преступник! Убийца!» Телохранители выхватили пистолеты и наставили на ребят. Наконец, так и не произнеся заготовленного «обращения», Пиночет гаркнул: «Разойдись!», и «президентская» свита поспешно убралась из лицея.

Как видите, протест против самого оголтелого фашистского режима, какой на сегодняшний день существует в мире, рождается стихийно и даже в детской среде. Для чилийского народа, молодежи фашизм противоестествен уже потому, что Чили — страна давних демократических, революционных традиций. Еще за два десятилетия до нынешнего века именно в Чили родилось первое и самое боевое рабочее движение на всем Латиноамериканском континенте. Оно началось с крупных объединений пролетариата, занятого в добыче селитры на севере страны. А в 1912 году в тех местах образовалась Социалистическая рабочая партия, позднее ставшая Коммунистической партией Чили.

Вот корни, взрастившие то всенародное движение, которое в форме самого широкого союза политических социальных сил — Народного единства — создало свое правительство после выборов в 1970 году, правительство во главе с президентом Сальвадором Альенде.

Как радовались рабочие, трудящиеся, посвятившие всю свою жизнь борьбе за светлое будущее Чили, в тот день победы 4 сентября 1970 года, как они радовались, что все их чаяния наконец-то сбылись и что можно теперь жить спокойно, а потом завещать детям и внукам страну, в которой нет эксплуатации, — социалистическую республику Чили...

Фашистский переворот 11 сентября 1973 года разбил эти надежды. Казалось, история повернула вспять, отбросила нас далеко назад, к самым жестоким, самым черным временам массовых казней борцов против испанского колониального господства.

Натасканные в школах Пентагона и ЦРУ, фашистские диктаторы создали концентрационные лагеря и узаконили преступления и пытки. Они превратили стадионы в тюрьмы, но стадионы понадобились им вскоре для манифестаций, и они обратили взор к пустынным землям севера Чили, избрав их местом ссылки патриотов. Так бесплодная пампа тоже превратилась в тюрьму. Когда-то там, в ныне заброшенных селитряных копях, родилось рабочее движение Чили. Теперь на территории одного из этих рудников, Чакабуко, были размещены заключенные.

Но удивительные вещи стали происходить в Чакабуко, удивительные прежде всего для тех, кто незнаком с национальным характером чилийца, с историей моей страны, с историей того места, название которого ныне стало символом страданий, горя, смерти.

Довольно скоро привезенные в Чакабуко арестанты-крестьяне из деревянных досок смастерили ткацкий станок, примитивный, такой, каким пользовались у них в деревнях. И нашлись среди заключенных механики, которые сумели починить старый мотор и подключить его к этому станку. И нашлись среди них инженеры, которые решили сконструировать новую модель ткацкого станка, более скоростную, промышленного типа. И рабочие-текстильщики, тоже заключенные, стали работать на этой ткацкой машине и производить ткань из ниток, присланных с воли в знак солидарности. И прибывали в Чакабуко нитки, и выходили прекрасные ткани, которые за пределами концлагеря продавались в церквах. И на вырученные деньги покупались овощи, фрукты, медикаменты и другие необходимые для заключенных вещи. Лагерные власти вынуждены были разрешить эту «самодеятельность» — заключенные таким образом сами заботились о своем пропитании.

Какие слова лучше опишут силу духа узников Чакабуко, чем факты из их повседневной жизни... Такие, например, факты.

Общими действиями, не страшась карцеров и пыток, заключенные добились права организовать «Школу концентрационного лагеря Чакабуко», насчитывающую 32 профессора — все они политические заключенные — и имеющую четыре факультета: математики, испанского языка, иностранных языков и технических специальностей. Были также созданы специальные курсы по географии, статистике, астрономии (астрономы, конечно же, не могли упустить те прекрасные условия наблюдения звезд, которые дает небо над этими пустынными землями южного полушария). На курсах прошли обучение 376 учеников самого различного уровня подготовленности — такие же политические заключенные, как и их профессора, — одни обучались грамоте, другие завершали университетское образование.

Там, посреди пустынной пампы, за проволочными заграждениями концентрационного лагеря Чакабуко, как, впрочем, и в других тюрьмах и концлагерях страны, уже в первые недели стало ясно: не тюремщики возвысились над политзаключенными, но они, избиваемые, голодающие, страдающие от физических и душевных мук узники, неукротимой силой своего духа вознеслись над палачами, над их бессильной подлостью и жестокостью.

Чилийцы чувствуют и понимают, что режим Пиночета, этот фашизм 70-х годов, — жалкая пародия, карикатурный слепок с гитлеровского фашизма, а ведь и тот, несмотря на всю его силу, в конце концов был наголову разбит народами. Тот фашизм, европейский, сумел обмануть, запутать народные массы. Этот, чилийский, сегодняшний, пытающийся плыть против самых сильных течений мировой истории, родился заклейменным всем человечеством и не сумеет никого обмануть. Отсюда его жестокость, но в этом и его обреченность.

Тысячи чилийцев, среди них много юношей, даже детей и школьников, прошли после фашистского переворота через тюрьмы и пытки, многие еще томятся в застенках. Трудно сдержать волнение, когда слушаешь их рассказы или читаешь их письма. Одна общая мысль, самое категоричное подтверждение, повторяемое снова и снова в этих волнующих документах жертв репрессий и пыток: «Хочу, чтобы товарищи знали, что меня не сломят, из меня не вытянули ни одного имени, ни одного слова, и сегодня, как никогда, я верю в торжество нашей победы и готов отдать за нее жизнь».

Товарищи, недавно вернувшиеся из Чили, при встречах с нами испытывают потребность передать нам, тем, кто находится далеко от родины, тот заражающий энтузиазм борьбы, заряд оптимизма, который они привезли с собой.

«Если сегодня в Чили ты встретишь юношу с улыбкой и уверенным взглядом, — говорят они нам, — значит, этот юноша — коммунист. И это понятно. Потому что нет большего удовлетворения, чем бороться против диктатуры, которая с каждым днем теряет своих сторонников. Нет места пессимизму, когда чувствуешь и знаешь, что Коммунистическая партия, Народное единство, коммунистическая молодежь по всей стране из подполья направляют — всякий раз все более открыто — протест народных масс. Этот протест — в манифестациях профсоюзов против голода и репрессий, в студенческих требованиях, даже в спортивной и культурной деятельности, которая тоже используется для организации новых форм борьбы... Когда получаешь регулярно газету «Унидад Антифасиста» («Антифашистское единство»), издаваемую и распространяемую в Чили с риском для жизни бойцами нашей партии, когда попадают к тебе в руки «Либерасьон» («Свобода»), орган Коммунистической молодежи Чили, и другие нелегальные издания, чувствуешь уверенность в будущем. И как не верить в это, если военный, твой знакомый или родственник, ищет встречи с тобой, присылает записку, сообщая, что он не согласен с репрессиями и что многие военные думают так же и что, несмотря на постоянные преследования, внутри армии многие начинают верить, что этот режим не может долго продержаться».

Так говорят наши друзья, приехавшие из Чили, и поэтому вместе с нашим народом мы верим в лучшее будущее, верим, что оно придет скоро.

Мы, чилийские демократы, чьи ряды становятся все шире, чье единство укрепляется в борьбе, мы знаем, что обязаны всему человечеству за самую широкую, искреннюю солидарность и что наш долг — суметь сбросить диктатуру и очистить нашу землю от постыдного и позорного режима, который, бесчинствуя в нашей стране, отравляет атмосферу всей нашей прекрасной Латинской Америки.

Уничтожение фашистской диктатуры и построение справедливого и законного общества на нашей родине — это основной вклад, который мы, чилийцы, должны внести в дело прогресса человечества в ближайшем будущем. И это мы сделаем — это верно, как то, что настанет день, когда мы вернемся.

Перевел с испанского
Б. СИМОРРА

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ГОВОРИТЬ С БУДУЩИМ?

Радован РИХТА,
директор Института философии и социологии Чехословацкой академии наук

Общественные классы видят будущее как бы в увеличительное стекло, направленное на свое настоящее. Когда общественная система находится на подъеме, проецируя в будущее свои идеалы, она представляет его как улучшенное сегодня.

На заре капитализма его будущее представлялось для многих царством разума, «лучшим из миров», если воспользоваться словами философа Панглоса из повести Вольтера «Кандид». Взгляды буржуазных ученых в тот период были полны оптимизма. Однако серьезные пороки, которые скоро начали обнаруживаться в капиталистическом строе, заставили буржуазных собратьев Панглоса изменить тон. Подобно вольтеровскому Кандиду, который начал с поисков «лучшего из миров», затем согласился на лучший из существующих и, наконец, удовольствовался меньшим из возможных зол, буржуазная наука меняла свои взгляды на перспективы развития капиталистического общества.

С появлением реального социализма нельзя больше выдавать буржуазное общество за единственно возможный вариант общественного устройства. Будущее с неотвратимостью ставит человечество перед выбором: социализм или капитализм. Стремясь, однако, уйти от столь опасной для себя постановки вопроса, представители буржуазной науки, рассуждая о грядущем, предпочитают вообще не говорить об основах общественных отношений. Начиная с 20-х годов нашего столетия буржуазные ученые свои рассуждения о будущем предпочитают строить, опираясь преимущественно на перспективы научно-технического прогресса, изменения естественных условий жизни на планете, рост народонаселения, развитие человеческого интеллекта, общей культуры и т. д. Такой подход отодвигает капиталистические общественные отношения на задний план, превращает их в подобие декорации в жизни людей. Капиталистический строй становится «обществом вообще», а конкретные классы распадаются на абстрактные группы «индивидов как таковых».

Буржуазные идеологи сегодня стремятся предугадать очертания будущего прежде всего для того, чтобы с учетом полученного представления найти выход из всеобщего кризиса капиталистического общества.

Во всех капиталистических странах действуют многочисленные правительственные учреждения и институты, где разрабатывается особая отрасль науки — прогностика (распространение получил также термин «футурология»). Только в США изучением будущего занимается больше 15 тысяч человек; таким образом, на каждые 13,5 тысячи американцев приходится один футуролог. В американских вузах в 1972 году читалось 200 курсов футурологии, их вели сотни преподавателей. Прогнозирование приобрело характер некоего движения.

Коммерческие институты, которые занимаются прогнозированием, стали, пожалуй, единственными учреждениями в капиталистическом мире, которые процветают, несмотря на экономический кризис или скорее даже прямо пропорционально его углублению. Специализированные научные объединения вырабатывают развернутые прогнозы развития не только для отраслей промышленности и экономики, но для целых стран и континентов. Так, первоначально задачей Гудзоновского института было готовить для государственных органов США варианты развития в области экономики, международных отношений и т. д., и финансировался он в основном государством. В тот период специалисты института разработали, в частности, варианты возникновения и хода третьей мировой войны, позиции и участия в ней США. В последние годы институт расширил сферу своих исследований. Его европейский филиал разработал прогнозы долгосрочного развития для Франции и Великобритании. Для международных компаний его специалисты создают стратегию бизнеса на многие годы вперед.

В большинстве случаев прогнозы формируются под влиянием и во имя интересов тех или иных монополистических групп; едва возникнув, некоторые из них обнаруживают откровенную предвзятость и ненаучность. Недоверие к прогнозам, разработанным правительственными и коммерческими институтами, породило различные клубы и исследовательские группы, которые гордятся своей «независимостью», хотя независимость эта весьма относительна, ибо и здесь большинство работ в той или иной форме финансируется крупными капиталистическими фирмами.

Примером такой исследовательской группы может служить «Римский клуб» — постоянный семинар ученых самых разных областей знания: философов, социологов, специалистов по экологии, планированию городов и т. п. Многие из них считают, что американский капитализм не смог решить проблемы, стоящие перед миром, и ищут для европейских стран иные варианты развития,

Переработанный автором для «Ровесника» вариант статьи, опубликованной в журнале «Проблемы мира и социализма» № 10, 1975 г.

пытаются создать некий улучшенный вариант капитализма. К «Римскому клубу» в последнее время присоединились аргентинские, японские ученые. Некоторые его исследования финансировала компания «Фольксваген» (ФРГ).

И примечательно: как раз сейчас, когда прогнозирование получило широкое развитие, смогло опереться на современные методологические и технические средства, сами прогнозы приводят их создателей в уныние. Надежды на то, что развитие науки и техники в капиталистических странах разрешит все насущные проблемы, даст новое — лучшее — содержание жизни человека, не подтверждаются. Наоборот, оказалось, что общий кризис капитализма углубляется.

Весьма показательна в этом отношении проходившая в 1973 году Римская конференция. На основе ее материалов был выпущен сборник. Авторы, буржуазные ученые из разных стран, сходятся в одном — признают тяжелое, кризисное состояние общества. «Кризис среды, социально-экономический кризис, кризис городов, технологический кризис... — пишет один из них, Дж. Мак-Хейл, — это институциональные кризисы, восходящие к специфическому способу экономической, социальной и промышленной практики».

Журнал «Нувель обсерватер» поместил недавно материалы дискуссии, посвященной современному кризису капитализма и перспективам развития общества (конференция была организована социалистической партией Франции в июне 1975 года). В редакционных комментариях читаем: «Все участники были согласны с профессором Гарвардского университета С. Марглином, определившим современное положение так, что капитализм перестал быть носителем прогресса и, наоборот, стал препятствием прогресса».

Среди книг и статей, выходящих в капиталистических странах и исследующих их перспективы, сейчас почти невозможно встретить работу, где в той или иной форме не говорилось бы о катастрофах, грозящих человечеству. Десять-пятнадцать лет назад мрачные прогнозы такого рода появлялись большей частью в научно-фантастической литературе; в серьезных научных кругах их относили на счет «больного воображения» и «слабых нервов» людей искусства. Сейчас сами буржуазные ученые пишут, будто близок «период тьмы» и человечество окажется отброшено далеко назад, в прошлое, превратится в группы отчаявшихся или банды отчаянных. Причем допускается, что все это может наступить не обязательно в результате какого-то невероятного потрясения; вполне достаточно, если современный мир будет развиваться в том же направлении и в том же темпе, что и сейчас. «Всеобщий апокалипсический тон, чувство конца является... выразительным штрихом эпохи», — пишет известный философ Дэниэл Белл. Те самые ученые, которые совсем недавно возлагали надежды на постоянный и неуклонный подъем буржуазного общества, пишут книги, тон которых — отрезвление от прежних радужных иллюзий. Для характеристики перспектив развития они широко пользуются такими терминами, как «глобальный коллапс дел человеческих», «крах промышленной цивилизации» и т. д. Официальные, наиболее оптимистически настроенные, американские прогнозисты ограничиваются предсказанием «технологического кризиса», который наступит в 80-е годы. Другие ученые, занимающиеся прогностикой, идут дальше: по их мнению, положение складывается таким образом, что задача заключается лишь в том, чтобы выжить. В социальном плане такая постановка вопроса грозит немалой опасностью, так как невольно допускает девальвацию общественных ценностей в поведении людей во имя «спасения жизни».

Но, охотно говоря о зловещих предзнаменованиях, футурологические исследования не в состоянии серьезно и основательно очертить контуры грядущего Будучи не в состоянии увидеть ясную картину будущего, буржуазные ученые объявляют о грозном знамении времени, времени «уникального в истории западной цивилизации», поскольку «будущее обращается к нам на непонятном нам языке».

Перспективы развития отдельных конкретных областей науки, техники, экономики исследуются более или менее успешно. А вот перспективы развития буржуазного общества в целом — как раз то, что представляет для буржуазной науки главный интерес, — вырисовываются весьма смутно. Здесь уже не помогают ни самые мощные электронно-счетные машины, ни самые совершенные методики обработки данных.

Идеологи буржуазии утверждают, будто кризис перечеркивает все человечество, а не капиталистический строй, гибель грозит всему миру, а не миру капитала. На самом же деле утрата перспективы капитализмом есть свидетельство рождения новой перспективы для человечества. Здесь уместно вспомнить, что еще основоположники марксизма предвидели такой момент, когда на определенном уровне развития общества ликвидация капитализма станет необходимым актом для самосохранения человечества. Однако, не желая видеть того, что будущее принадлежит социализму, буржуазные футурологи упорно разрабатывают проекты будущего с точки зрения сохранения реальности, созданной капитализмом.

Только ясное понимание объективных закономерностей общественного развития, социальной структуры общества, тесной связи проблем науки, техники, окружающей среды с общественными проблемами дает возможность получить ключ к пониманию перспектив общественного развития. В противном случае ученый обречен беспомощно барахтаться в море случайных фактов и слабо намеченных связей. Ему трудно даже назвать проблемы, которые определяют мировое развитие. На 2-м конгрессе Всемирного общества будущего в Вашингтоне в июне 1975 года группа, готовящая ежегодник мировых проблем, определила число таких проблем в 2560. Причем даже с помощью современных ЭВМ группе не удалось четко сказать, что собой представляет «проблема мирового развития».

Еще труднее, оказывается, решить, что нуждается в первоочередном рассмотрении. Тут наблюдается особенная пестрота. Некоторые буржуазные футурологи все беды видят в чрезмерном росте народонаселения, который не соответствует ограниченности природных ресурсов нашей планеты. Другие считают, что наибольшую опасность для будущего представляет сам человек, существо по природе своей деструктивное и агрессивное. Существует и такая точка зрения, согласно которой современный человек не в состоянии представить себе будущее, и именно это должно вызывать наибольшую тревогу.

У большинства концепций буржуазной футурологии 70-х годов есть бросающееся в глаза сходство: в их названиях, как правило, имеется приставка «пост». Д. Белл предсказывает «постиндустриальное» общество, К. Боулдинг — «посттрадиционное», Р. Дарендорф — «посткапиталистическое» или «постбуржуазное», А. Этциони обещает наступление «постсовременной» эры и т. д. В наши дни перспективу общества с прибавлением приставки «пост» охотно разрабатывают самые различные представители буржуазной мысли, начиная с тех, кто мечтает о буржуазном обществе, построенном на технократической основе, и кончая сторонниками экономического романтизма, которые связывают социальное развитие с возвратом к общественным отношениям, господствовавшим в ремесленном производстве, к культу «мягкой», «безобидной», «нейтральной» техники.

Попытка выяснить, что представляет собой постиндустриальное общество, наталкивается на большие трудности. Представления о нем оказываются весьма смутными и расплывчатыми. Впрочем, при внимательном рассмотрении работ, посвященных постиндустриальному обществу, можно прийти к выводу, что неопределенность и аморфность данного понятия являются в некотором смысле его привлекательной стороной. Каждый имеет возможность увидеть здесь именно то, что ему больше всего хочется. Постиндустриальное общество, как утверждают его глашатаи, будет отличаться от нынешнего буржуазного общества, преодолеет его пороки. Вместе с тем оно не должно слишком напугать противников радикальных перемен — эта теория предполагает сохранение основных элементов развитых капиталистических стран. Критики Д. Белла, в частности, отмечают, что в его рассуждениях предполагается, что все крупные промышленные страны пойдут по американскому пути.

В модели постиндустриального общества содержится попытка создать перспективу такого общества, которое могло бы более точно, чем ныне существующее, учесть тенденции научно-технического развития, исправить некоторые неудачи современного капитализма. Сами сторонники этого буржуазно-реформистского подхода не считают постиндустриальное общество идеалом. Речь, видимо, идет только о поисках спасения, пусть неустойчивого, полного конфликтов и противоречий, но все-таки спасения от движения мира к социализму и коммунизму.

При рассмотрении основных тенденций буржуазной футурологии бросается в глаза, насколько неточно либо предвзято оценивают ее представители важнейшие факторы общественного развития. Весьма показательно, например, что о гонке вооружений, которая поглощает колоссальные средства, оказывает резко отрицательное влияние на все развитие общества, в работах большинства буржуазных футурологов 60-х годов почти не упоминалось. В них и речи не было о том, что гонка вооружений служит одной из главных причин безвыходности положения, в котором находится буржуазное общество.

В известной книге Г. Кана и Э. Винера «2000-й год» цинично перечисляются все возможные варианты атомного конфликта — при этом авторы исходят из безусловной неизбежности войн, — но нет и слова о том, что гонка вооружений блокирует средства, необходимые для решения насущных проблем развития современного мира. Ведь в то время, как во всем мире ежегодно ассигнуется почти 250 миллиардов долларов на вооружение, оказывается невозможным реализовать намеченные проекты оздоровления окружающей среды. В обстановке «холодной войны» большинство программ такого рода в буржуазном обществе было обречено на провал.

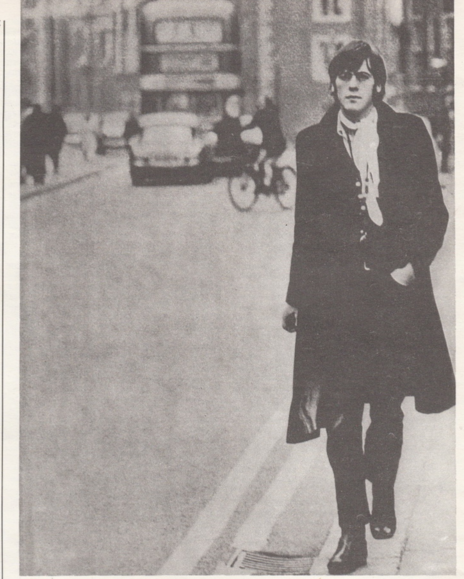
Между тем разрядка международной напряженности, последовательная политика мира, энергично осуществляемая Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, открывают новые возможности для решения крупных проблем мирового развития. Можно с удовлетворением отметить, что в последнее время буржуазные ученые начинают серьезно учитывать реальные предпосылки будущего развития общества — в первую очередь такие, как сохранение мира на земле, развитие международного сотрудничества при решении экономических проблем, проблем освоения космоса, развития медицинской науки, культурного сотрудничества и т. д.

В этой связи разработка долгосрочных прогнозов будущего, которая ведется в СССР и других странах социалистического содружества, приобретает всеобщее значение.

Лишь при социализме, наконец, появляется возможность решать самые сложные проблемы перспективного развития, те самые, которые в буржуазных странах считаются трудноразрешаемыми или вообще неразрешимыми, — комплексное управление социальными процессами, целенаправленная ориентация научно-технического развития для достижения тех социальных целей, которые ставит перед собой общество, создание комплексной системы образования и воспитания, способствующей наиболее полному и гармоничному развитию в человеке всех его способностей.

Марксистско-ленинская наука позволяет предвидеть направление основных процессов мирового развития. Так, в 1969 году международное Совещание коммунистических и рабочих партий не только указало на то, что развитие буржуазного общества в ближайшие десятилетия будет тесно связано с глубочайшим кризисом всей капиталистической системы, оно определило его характер и основные направления. И хотя большинство буржуазных ученых и почти вся буржуазная публицистика делали вид, что этого прогноза вообще не существует, потребовалось совсем немного времени, чтобы полностью подтвердилась точность данной оценки.

Весь ход истории показал, что серьезное предвидение будущего невозможно без использования марксистско-ленинской теории, без учета исторической миссии рабочего класса, роли трудящихся — то есть тех общественных сил, которые и являются подлинными носителями будущего, без учета руководящей роли коммунистических партий — признанного авангарда в борьбе трудящихся за мир и социальный прогресс.

15 СЕКУНД СЛАВЫ

ПАМЕЛА УОЛЛИС, 29 ЛЕТ, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА. Основное, что мы должны учесть на будущее, — нам нужно лучше учить наших детей, научить их распознавать за красивыми туманными словами наших государственных деятелей реальность. Ну и, я надеюсь, в какой-то степени сократится разница между богатыми и бедными, но каким путем это произойдет — через социальную революцию или же при помощи общих экономических усилий (что у нас, в Англии, смахивает на утопию) — я не знаю.

ЭНДРЮ ЭДВАРДС, 20 ЛЕТ, СТУДЕНТ. Нам, в Англии, надо в первую очередь думать об улучшении экономического положения. Что же касается человека в мире, то вряд ли он очень изменится — быстро меняются лишь внешние признаки группы людей, но есть же вечные идеи человечности, и мы должны всеми силами сохранять человека в человеке — в себе и в других. Хорошо, что люди такие разные, нам надо научиться большей терпимости, уважать образ жизни соседа, верить в его разум.

ДЖОН ЛЕННОН, 35 ЛЕТ, БЫВШИЙ УЧАСТНИК АНСАМБЛЯ «БИТЛЗ» (ИЗ ИНТЕРВЬЮ ЖУРНАЛУ «ОБСЕРВЕР», ДЕКАБРЬ 1974 ГОДА). Мы всё говорим и говорим о былом величии Британской империи и сетуем на то, что роль нашей страны в мире изменилась. Но надо ясно осознать одно: то, что наша империя причинила когда-то другим странам, возвращается сейчас рикошетом к нам, и возвращается в десятикратном размере. Потому-то в нашем старом британском курятнике царит такая паника.

ДЭВИД УОТТС, 24 ГОДА, СТУДЕНТ. Наше отношение к детям (и отсюда — отношение наших детей к миру) будет отличаться от отношения наших отцов к нам. Наше поколение более прогрессивно, чем поколение отцов; молодые англичане научились распознавать лицемерие во всех его формах. Главное — не растерять это умение с годами. И еще. Мы все должны чувствовать свою личную ответственность за судьбу мира на земле, все теперь понимают, что проблема выживания каждого отдельного человека — это проблема сохранения мира.

Джеймс ОЛДРИДЖ,
английский писатель, — для «Ровесника»

Американский художник Энди Уорхол не так давно сказал, что прежде, чем наступит 2000 год, каждый из ныне живущих будет наслаждаться славой в течение как минимум пятнадцати секунд. Уорхол пользуется репутацией человека с причудами. Его картины представляют собой почти точные копии окружающих нас простых вещей — скажем, банок из-под томатного супа или афишных портретов Мэрилин Монро. В любом высказывании такого человека поневоле ищешь очередного чудачества, нелепицы.

Но, подобно тому, как он делает в своих картинах, Уорхол и словом умеет подцепить и выставить для нашего обозрения пошлейшие стороны западного образа жизни, чтобы мы лишний раз присмотрелись к миру, в котором живем. Его предсказание, что к 2000 году каждый из нас переживет по крайней мере пятнадцать секунд славы, содержит больше социального смысла, чем он, быть может, сам подозревает. Уорхол привлекает внимание к «славе» как к одному из движителей нашего общества, как к фактору постоянного давления на психику — особенно молодого человека.

Ты должен быть «кем-то». Должен оставить на окружающем мире печать собственной личности. Должен всем своим поведением демонстрировать, будто уже добился победы в жизни. Твоя голова должна возвышаться над толпой, а личность постоянно демонстрировать свою неповторимость и уникальность. И конечно же, ты должен познать себя, найти свое истинное «я», погруженное в своего рода вечную нирвану, отгораживающую от всех остальных.

И получается смешно — так много наших молодых людей, милых отпрысков среднего класса, изо всех сил стараются выглядеть неповторимыми и нешаблонными индивидуальностями, что в любой день на Кингс-роуд Челси (излюбленное место лондонских хиппи. — **Прим. ред.**) можно насчитать пару тысяч копий с «нешаблонного» типа. Они одинаково одеваются, одинаково выглядят, одинаково себя ведут и одинаково мыслят — все это ради того, чтобы быть «другими». Они все не шаблонны, что, разумеется, делает их шаблонными на новый лад, только и всего.

Печальный этот феномен искушает все наше общество. Хрупкая мечта буржуа поистине взбесилась; зато она позволяет найти объяснение многим нашим острым проблемам. Не жди вдохновения от общества, рассчитывай только на себя самого. И тогда вознесешься — на пятнадцать ли, двадцать, тридцать секунд — в иллюзорный мир личной свободы, личного успеха, личной радости, личного удовлетворения и личной славы.

По-настоящему серьезные вопросы возникают, когда человек с такой моралью вступает в гонку за будущим. Куда она заведет нашу молодежь? Куда она заведет Запад? (Ведь мораль эта укоренилась во всех западных странах.) Мы знаем, что молодежь получает от общества, но что дает она в ответ, втянутая в погоню за иллюзорным, уникальным «я» и не менее иллюзорной личной свободой?

Он стар, как мир, этот вопрос о судьбе индивидуального в обществе. Но чем больше я размышляю над его будущим на Западе, тем больше убеждаюсь, что соревнование это без надежд и без конца.

Кто победит? Переменится ли общество, прежде чем безумная мания быть непохожим, быть другим, быть «свободным» непоправимо разрушит нашу психику? Или эта мания завладеет нами настолько, что мы, растеряв самих себя, спохватимся слишком поздно, чтобы попытаться переделать общество? Будем ли мы жить настоящей жизнью или только симулировать ее?

Живи мы в статичном, неподвижном мире, проблемы которого исчерпывались бы проблемами среднего класса, мы бы это соревнование проиграли. Превратились бы в актеров на сцене жизни, и к 2000 году каждый вкусил бы свои гарантированные пятнадцать секунд славы и исчез, как исчезает мотылек, завершивший все положенные ему превращения. Но мы живем не в застывшем мирке среднего класса, и потому наше состязание отнюдь не обречено на проигрыш.

При нашем, западном, образе жизни, при том перенасыщении мотыльковым мировоззрением, которое в избытке вталкивается в нас газетами и другими средствами массовой информации, действительное направление исторического развития заслонено от нас картиной «хаоса» в мире. Объяснить этот вдалбливаемый в нас «хаос» нам нечем, кроме как беспомощностью и неспособностью человека организовать свою жизнь. «Человеческую натуру не переделаешь» — вот каков краеугольный философский камень нашей печати. Посему стараешься все время сверяться с собственной философией, собственным миропониманием, что бы ни читал — описание событий или их интерпретацию. Интерпретаций хватает, но в них нет одной простой истины: что капитализм пребывает в постоянном кризисе. Вытравляя эту фундаментальную истину из всей своей продукции, средства массовой информации изо дня в день спихивают нас все глубже в темный овраг неразберихи и путаницы. Именно такова наша ежедневная духовная диета, преподносимая газетами в виде так называемых фактов.

Вся штука не только в том, что хаос, в котором мы живем, целиком сваливается на всё ту же «беспомощность» человека, но в том, что эта «беспомощность», доведенная до логического конца, приводит человека к единственному выходу: интеллектуальному самоуничтожению.

Годами страдаем мы этой тяжкой, фатальной болезнью. Ею заражены наши театры и кинематограф, наша литература. Мы едим, пьем, ссоримся, сквернословим и пируем в то время, когда мир вокруг нас разваливается на куски. Такое впечатление оставляет наш кинематограф. Мы сыты по горло жестокостью, мы пьяны от секса — вот результат знакомства с продукцией многих наших кинорежиссеров и драматургов, вообще со средствами массовой информации.

И это сущая правда. Мы действительно сыты жестокостью и действительно пьяны от секса. Но кто довел нас до такого состояния? И зачем? Действительно ли кинорежиссеры, писатели и драматурги? А может, они попросту отражают в своих работах то, что и без их помощи, само по себе, происходит с нашим обществом?

Любопытно, что в последние годы, когда молодежь Запада поднялась против войны во Вьетнаме и коррупции нашего общества, те, кто ведает нашим кинематографом и печатью, поднялись вслед за ней (разумеется, не расставшись при этом со своим пристрастием к насилию и сексу). Они слишком хорошо понимают, что бесполезно рассчитывать на доверие и внимание молодежи, если кормить ее прежней пищей, если игнорировать ее мысли и дела. В результате — попытки «повенчать» секс со свободой и насилие с миром.

Иногда это получается достаточно убедительно, иногда — нет. Я бы не решился сказать, что наша молодежь уверенно идет навстречу новому светлому будущему, имея четкие и прекрасные цели. Зачем преувеличивать? Но чего она действительно хочет, так это выяснить отношения с нашим опасным и изменчивым обществом, чтобы знать, как защититься, когда от него исходит угроза. Вьетнам был симптомом сравнительно легким для распознания. Но американская война во Вьетнаме — это не только заморский пример империалистического варварства. Коррупция, предательство, порочность, расизм, империализм, милитаризм, фашизм, лицемерие... Все эти тени вьетнамской ситуации разглядела наша молодежь. Однако этот бунт молодежи, зачастую одиночный, личный, удалось разделить на сотни тропинок, ведущих к разным, далеко не равнозначным целям.

Я говорю обо всем этом, чтобы разобраться в том, из какого теста сделаны наши сегодняшние мечты. Куда заведут они нас в последнюю четверть этого столетия? Неужели мы и вправду двигаемся по тропинке интеллектуального самоуничтожения или есть в нашей жизни нечто такое, что поможет нам спрыгнуть со спины обреченного на гибель мотылька?

Порой мысли о будущем угнетают меня — особенно когда сидишь за письменным столом и читаешь, читаешь, читаешь. Я стараюсь читать все, рассматривать все «за» и «против», чтобы отыскать ключ к нашим трудностям. Но вот я закрываю за собой дверь и выхожу на улицу, и яркие краски жизни, от которых меня отгораживали стены кабинета, предстают моим глазам, едва я поворачиваю за угол дома.

Еще до того, как я дохожу до привычного ориентира, моста через Темзу, я сталкиваюсь лицом к лицу с десятком маленьких жизненных реалий, не учтенных в моих рассуждениях о будущем. Еще на полпути к мосту я успеваю увидеть рабочих, ремонтирующих тротуар; строителей, возводящих жилой дом; автобусных водителей, проталкивающих свои неуклюжие на вид двухэтажные машины сквозь полуденную толчею; сотни мужчин и женщин, выходящих с завода у реки; старых друзей-железнодорожников; четверых безработных ребят, живущих по соседству, которые успели окончить школу и никак не устроятся; моряков, буксирующих огромные баржи с цементом вверх по реке.

Я точно знаю, что, вернувшись вечером с работы, эти мужчины и женщины не садятся за письменный стол поразмышлять об интеллектуальных осложнениях нашего общества. У них другие

заботы: во сколько обошелся сегодняшний ужин, насколько поднялись цены, что будет с детьми, когда они вырастут (безработица-то увеличивается!)? Их ждут дóма неоплаченные счета и тревога за завтрашний день. Наш взрослый мир (включая нашу повзрослевшую молодежь) озабочен своим кризисом, и если люди этого мира задумываются о предстоящих двадцати пяти годах, то им приходит в голову не проблема интеллектуального самоуничтожения, а мысли о том, как долго удастся сохранять сегодняшний уровень жизни, работу, политические организации, профсоюзы, право на образование. Короче, мысли о повседневных вещах и о том, как выжить.

Печально, но факт: в западном мире нарастает конфликт между разумом и действительностью. Этого конфликта быть не должно, но он есть и все глубже вклинивается, отделяя одно от другого — культуру от труда, воображение от повседневной жизни, искусство от понятия о пользе, вкус от смысла, интеллигенцию от рабочих, человека от самого себя.

Этот конфликт — составная часть нашей «гонки с препятствиями». Отделение человека от самого себя предполагает, что и общество должно быть разделенным — и не только на богатых и бедных, но также на элиту и послушных. Элитарные теории, выдвинутые нацизмом в 30-х годах, вызывали тогда всеобщее отвращение, особенно в нашей интеллектуально-академической среде. Но сегодня заметная группа в этой среде уже проповедует доктрину элиты, навязывая рабочему классу то послушание, которое в свое время послужило фундаментом для всей системы фашизма. Раньше фашизм называли фашизмом, теперь у него сотня различных имен; он пользуется поддержкой у сильных и энергичных правых групп во всех политических сферах, не исключая как консервативную, так и лейбористскую партии.

Чем напряженнее идеологическая борьба, тем полнее ее участники должны раскрывать свои установки. Как результат — все больше людей должны принимать решение, какую сторону им поддерживать. Одно предсказание на ближайшие двадцать пять лет можно сделать с уверенностью: едва ли не каждому жителю Запада придется решить для себя, на чьей он стороне. Сама жизнь в смятенном западном обществе уже заставляет человека ежедневно ломать голову над тем, как выкарабкаться из затруднений. Какую-то сторону надо выбирать. Иначе нельзя. В нашем обществе эта истина всем известна. Вот почему средства массовой информации и интеллектуальный истэблишмент, парламент и юридическая система, церковь и политики — все скопом стараются во что бы то ни стало сбить нас с толку и запугать, чтобы добиться детского послушания.

Подчиняемся мы или понимаем, чего от нас хотят? Паникуем перед лицом угроз или сохраняем спокойствие? Верим ли в самих себя или в мифы, сочиненные нашими оппонентами?

Увидеть, как мы ведем себя, поставленные перед этим выбором, лучше всего можно на съезде любого крупного профсоюза или всего Британского конгресса тред-юнионов. На этих форумах отчетливее, чем на каких-либо других, проступает конфликт между иллюзией и реальностью. Иллюзий еще много, но реалистические взгляды пробивают себе дорогу на хорошем профсоюзном съезде столь решительно, что в сравнении с ним парламент выглядит клубом для любителей поговорить среди придворных и дворецких. По существу, именно профсоюзное движение, а не лейбористская партия, отражает сегодня политические реалии рабочего класса и страны. Профсоюзы политически более воинственны, чем политические деятели, которые выступают в парламенте якобы от их лица.

Надежда всегда опирается на реальность, поэтому мы и связываем свои надежды с профсоюзным движением и его политическими представителями и друзьями. Это верно и для всей Западной Европы. Как и в среде интеллигенции, в профсоюзах тоже есть свои «мотыльки», но в заводском цехе им живется труднее, да и личинок удается отложить немного.

Во всяком случае, в соревновании на этапе 1976—2000 участвуют только две системы. Одна из них — капитализм. Он стал превосходным актером, маэстро перевоплощений и мастером переодеваний, запасся на все случаи жизни тысячью масок. Другая система — социализм. Он не нуждается в маскировке, не рядится ни в какие тоги. Наши средства массовой информации и истэблишмент постоянно прибегают к одной и той же уловке — вымазать своих противников дегтем и тут же поднять крик: смотрите, что за чудище, что за уродина, что за монстр! Счищать этот идеологический и политический деготь, разоблачать постыдные уловки пропаганды — такова задача сторонников социализма.

Заключительный отрезок нашего фантастического XX века будет решающим в истории — именно в этот период людям придется сделать выбор, сделать шаг в ту или иную сторону от черты, разделяющей капитализм и социализм. Интеллектуальный кризис имеет ту же природу, что и кризис экономический, моральный и социальный. Суть стоящей перед нашим обществом интеллектуальной дилеммы — это тот выбор, который предстоит сделать нашей интеллигенции. И если одни готовы к нему, другие изобретают сотни уловок, чтобы его избежать.

Не так давно я разговорился с приятелем о времени «рассерженных молодых людей» [1]. И, перебирая в памяти тех, кто представлял неспокойные 50-е годы, мы обнаружили, что каждый значительный английский литератор из этой группы занимает реакционную позицию, по крайней мере, в одном какомнибудь вопросе современной сложной ситуации. Каждый хоть раз, но забрел в тупик, некоторые и вовсе потеряли надежду из него выбраться — то ли в связи с позицией по Вьетнаму, то ли по Ближнему Востоку, по американской политике, по Южной Африке и т. д.

Следует ли, однако, считать, что это обстоятельство сыграет решающую роль для будущего нашей духовной жизни? Я так не думаю, потому что те «властители дум», которые будут упорствовать в своем неудачном выборе, попросту останутся не у дел. Либо им придется менять свои взгляды, вслед за переменами в окружающем мире, либо они окажутся, подобно прокаженным, в изоляции, цепляясь за путаные и примитивные идеи, которые сами же когда-то осуждали. Конечно, по-настоящему важно для таких писателей, что они когда-то сделали свой выбор и заявили об этом во весь голос и талантливо. Но разве кончилась на этом жизнь? Выбор приходится делать изо дня в день, из недели в неделю, из месяца в месяц, из года в год. Это-то и оказалось для большинства трудным, если не непосильным, делом. Многие интеллектуалы, представлявшие «рассерженное поколение», похоже, и сейчас думают, что достаточно однажды принять решение, — и всё, и не приставайте ко мне больше! Но только те, кто продолжал искать ответы на вопросы, задаваемые жизнью, устояли на протяжении последнего десятилетия на стороне прогрессивных сил.

Один-единственный выбор — еще не решение и еще не конец. Тут, на Западе, нельзя принять ту или другую сторону, исходя исключительно из «интеллектуальных соображений», исходя из собственной уникальности, оригинальности, а тем более ради славы, ради выявления своей исключительности и утверждения самого себя. Куда все это приведет, если не к тому же пруду, в зеркале которого любовался своим отражением, пока не зачах, Нарцисс? Много чего потребует от нас жизнь в предстоящую четверть века, кроме одного — самолюбования перед зеркалом. Не проблему нашей личной исключительности, а проблему выживания — вот что нам предстоит решать.

На долю мира социализма досталась в оставшуюся четверть века простая и четкая миссия: сделать так, чтобы мы, живущие в другом мире, смогли решить, на чью сторону нам стать, и чтобы никакая тень войны не помешала нам в этом выборе. Ведь война — это выбор капитализма, когда ему приходится решать его проблемы; его диверсия в крайней и жесточайшей форме. Надо лишить его возможности прибегать к войне, надо дать шанс исторической правде — вот цель политики социализма; цель, которую она уже давно преследует. Эта политика открывает перед историей возможность «поработать» без помех, а перед людьми — увидеть правду и сделать свой выбор.

И как раз именно выбор приносит славу каждому, кто его делает. Незабываемые пятнадцать секунд выпадут на долю каждого, когда он осознает, чью сторону принял, — ведь в эти пятнадцать секунд он вступит в будущее. Какая слава сравнится с этими мгновениями? Только те, кто сделает неверный выбор, умрут забытыми и одинокими. Им не суждено узнать, что значат эти пятнадцать секунд истины для личности, для общества, для будущего самого человека.

Лондон, сентябрь

(Получено через АПН)

Перевел с английского
Б. СЕНЬКИН

---

[1] *Принятое в критике название группы английских писателей, выступивших в 50-х годах с произведениями, обличающими буржуазное общество. Термин восходит к автобиографической книге Л. А. Пола «Рассерженный молодой человек» (1951 г.), но широко распространился после постановки в Лондоне в 1956 году одного из самых характерных для «рассерженных молодых людей» произведений — пьесы Дж. Осборна «Оглянись во гневе» (букв. «Оглянись рассерженно»). — Прим. ред.*

БУДЕТ — НЕ БУДЕТ...

«Нормальный гражданин 2000 года пробуждается освеженный после сна без сновидений, управляемого медикаментами. Он глотает пилюлю в 200 калорий на завтрак и ныряет в свежий костюм, выбрасываемый после однократного пользования. Затем он мчится на работу в электроавтомобиле по подземным автострадам. Работа его состоит в том, чтобы в течение семи с половиной часов нажимать кнопки и считывать показания приборов на фабрике, где нет ни пыли, ни вредных газов, ни шума».

Из «Модели будущего» Гудзоновского института, США, 1965 г.

«Многие футурологи считают, что рекламные лозунги станут в будущем в еще большей мере вдалбливать людям в голову идею наслаждения от обладания вещами и удовлетворение тем, что ближние тебе завидуют».

Из материалов «Комитета 2000 года», США, 1965 г.

«Наши пророки... не ждут на 2000 год ни всемирного социалистического счастья, ни всемирного правительства. Они не разделяют предположений насчет того, что полчища преступников сократятся до небольшой группы душевнобольных. Зато они надеются скорее нападать на след злоумышленников с помощью электронных фонограмм голоса и проб воздуха с места происшествий».

«Штерн», Гамбург, ФРГ, 1967 г.

И. ГОРЕЛОВ

Скажи мне, кудесник...

В прошлом году 21 июня в ночь летнего противостояния, столь дорогую сердцу Шекспира, ночь прозрачную и колдовскую, человек семьдесят, облаченные в белые хламиды с капюшонами, медленной вереницей брели по травянистой равнине, известной всему миру как Стоунхедж. Точнее — как загадочный, до сих пор полностью не подвластный нашему пониманию, Стоунхедж. Огромные великанские камни, высеченные рукой человека и установленные на равнине, служили кельтам, а точнее — друидам, не только величественным храмом без стен и крыши. Ученые давно установили, что взаиморасположение этих камней — своеобразная запись древними их знаний в математике и астрономии, их научно-исследовательский институт и обсерватория. Кто же были эти друиды, самозванные потомки которых сидели в прошлогоднюю ночь на зеленом лугу, предаваясь размышлениям перед невидимым, подземным памятником из тел, похороненных здесь — согласно легенде, конечно, — друидов, древних. Кто были те древние и какую роль играли в культуре кельтов? Кельты пришли на Британские острова из Центральной Европы между 500 и 300 годом до нашей эры. Трудно сказать, принесли ли они друидизм с собой или встретились с ним здесь; важно, что они его приняли и держались его даже после поражения от римских легионов, даже после прихода сюда христианства. Ученые отмечают, что некоторые современные религиозные праздники совсем не случайно совпадают с праздниками друидов.

Одним из краеугольных камней верований друидов была магическая цифра «три». Из трех компонентов, считали они, сложена жизнь: света, истины и свободы; из трех компонентов состоит человек: физического тела, тела души и тела духа; из трех компонентов образована первая социальная ячейка — семья: отца, матери и ребенка. Вообще любая система, полагали они, состоит из трех частей: из статического, «думающего», из динамического, реализующего задуманное, и — между ними — элемент «гармонизующий», создающий равновесие. Точно так же и общество кельтов делилось на три элемента — класса: класс мудрецов — статический элемент, класс трудящихся — динамический элемент и класс знатных и воинов — элемент равновесия и гармонии. Два последних класса имели своих представителей, то есть людей, посвященных во все тонкости своего мастерства и знаний, при высшем классе мудрецов. Немногочисленных представителей трудящихся, то есть лучших математиков, астрономов, строителей, врачей, агрономов, называли оватами. Представителей знатных и воинов — артистов, поэтов, певцов — называли бардами. На оватов и бардов делились и мудрецы, третьим элементом которых были посвященные из посвященных — друиды. Друиды считались хранителями традиций, толкователями законов жизни, законодателями, философами и предсказателями будущего...

К чему столь долгое отступление в да-

лекую историю? А к тому, что вскоре после того, как солнечный шар, появившийся точно над иглой гигантского «солнечного камня» Стоунхеджа, прервал самую короткую ночь прошлого года, «великий глава» современных английских друидов, врач, д-р Томас Моген рассказал:

«Никакие века, никакие войны, несчастья и катаклизмы не мешают нам увидеть и понять, вокруг каких осей обращался в прошлом человек. Пока их было две, сейчас вырисовывается третья. Сначала, в древности, осью для человека было его тело с его нуждами, его безумствами и болями; затем центром для человека стала сфера чувств с такими же нуждами, безумствами и болями; сейчас, уже на протяжении десятилетий, осью обращения человека становится разум. Начинается эра триумфа разума, которая окончательно наступит в 2000 году; вот почему мы, современные друиды, его служители, каждую ночь летнего противостояния приходим в Стоунхедж, чтобы встретить символ этой эры — Солнце».

Вокруг было тихо и торжественно, свет солнца разгорался все ярче, освещая белые застывшие фигуры... Нет, не так все было: так только казалось друидам. Вокруг них, вокруг камней Стоунхеджа за колючей оградительной проволокой толпились многочисленные молодые зеваки. По какой-то странной случайности — может, это колдовство самой ночи? — сюда, в Стоунхедж, цыганским набегом прикатил фестиваль поп-музыки. Сейчас, правда, гитары умолкли, но не потому, что музыкантов свалил сон; они все стояли за проволокой и смотрели на белые привидения.

«Омо (игра слов: «омо» — по-латыни — человек, и «омо» — название фирмы стирального порошка) отмывает добела!» — крикнул кто-то под хохот толпы. Друиды не смеялись; они размышляли о будущем.

Когда все кончилось и все — и друиды, и поклонники рока — потянулись к шоссе, в толпе началось обсуждение. Одни молодые люди, горячась, говорили, что это привидения, что они отстали от нас, как минимум, на пару тысячелетий; другие сомневались: может, друиды в чем-то правы, может, они нас, наоборот, обогнали? Кто-то высказал третью точку зрения: да, не впереди они и не сзади нас; они сбоку, в стороне...

Какая понятная, не нуждающаяся в объяснениях (тем более когда речь идет о молодых людях) человеческая жажда заглянуть, узнать будущее! «Quo vadis?» — «Камо грядеши?» — «Куда идешь?», человек: кого и когда это не интересовало? «Скажи мне, кудесник, любимец богов, что сбудется в жизни со мною?» — читали мы в детстве. А еще раньше нам читали сказки, где героев ждали «кисельные берега и молочные реки», только вот нужно было выполнить три (опять эта цифра) условия — не тушеваться перед трудностями, доказать силу, доказать ум. Или что-то похожее. Всегда-то эти условия, эти «но»! Но ради будущего, только стóящего, счастливого, человек на многое соглашался. И прорицатели не жалели его: всякие пифии, сивиллы, говорящие горы и головы, наконец, догматы и религии каких только коварств, оговорок и условий не ставили перед человеком! Он, впрочем, и сам не отставал от них — жизнь далеко не всегда одаривала его основаниями для оптимизма. «Грядущие годы таятся во мгле...» Как мы знаем, люди и сейчас стремятся заглянуть в будущее, более того — футурология, прогнозистика и обыкновенное гадание на кофейной гуще переживают сейчас расцвет. От «друидов» и гадалок до серьезных ученых и писателей-фантастов — вот каков диапазон.

Перенесемся в наше время. В тридцать втором году в Англии вышла книга Олдоса Хаксли «Смелый новый мир». Писатель рисовал такую ужасающую картину будущего мира: все общество поделено на три (все те же три!) группы — люди альфа, люди бета и люди гамма. Другими словами, на избранных — правителей, управляющих и рабов. Наука и техника достигли необычайного развития: людей соответствующих групп производят в колбах, придавая им необходимые для той или иной функции качества. Времени со дня выхода книги прошло много, однако жуткие краски картины «нового мира» Хаксли от этого не потускнели. Наоборот, последние сообщения из научного, а тем более околонаучного мира добавляют тревоги. Судя по высказываниям западной прессы, биология уже сейчас теоретически в состоянии выращивать людей в колбах — альфа, бета, гамма? (Не случайно это открытие называют биологической Хиросимой.) Мало того, в печати публиковались сообщения о секретных опытах по изменению психики и умственных способностей, проводимых в США на людях.

Известный американский социолог, автор книги «Шок перед будущим» Олвин Тоффлер, разделяя опасения за судьбу будущего, подчеркивает, что все в данном случае зависит от того, насколько человечество подготовлено к нему, насколько оно осознает все опасности, насколько оно взросло и ответственно.

Сравнительно просто (для специалистов, разумеется) делать прогнозы развития техники и основных направлений фундаментальных наук. Известно, к примеру, что из 108 фантастических идей Жюля Верна оказались ошибочными или неосуществимыми только десять, из 86 идей Г. Уэллса — только девять, из 50 идей А. Беляева — только три. Один из американских фантастов был даже арестован органами ЦРУ по подозрению в шпионаже, так как в одном из своих научно-фантастических романов почти полностью предвосхитил создание и испытание первой атомной бомбы.

Гораздо сложнее делать прогнозы социальные. Мы попытаемся сейчас рассмотреть историю одного такого прогноза, но прежде хотелось бы привести здесь еще одно замечание д-ра Тоффлера.

Размышляя о будущем западного мира, Тоффлер считает, что во многом оно зависит от того, кому принадлежит власть и насколько эта власть эффективна. «Власть — это способность изменять будущее или корректировать его по твоему выбору. Если тебе приходится мириться с будущим, которого ты не выбирал, ты не обладаешь реальной властью. И сейчас наше общество вынуждено мириться с таким будущим: система благодаря быстрым переменам стала настолько сложной, что часто люди, стоящие у власти, этой властью не обладают. Они не в состоянии контролировать ее — ни на правительственном уровне, ни на политическом, ни на экономическом, ни на уровне морали...»

Портрет молодого человека, приятного во всех отношениях

Анкетирование — один из популярных методов прогноза. Именно на результатах опроса общественного мнения и составил в 1965 году парижский журнал «Пари-матч» свой прогноз о будущем поколения, которому тогда было от 16 до 25 лет. В 1980 ГОДУ ОНИ БУДУТ ПРАВИТЬ СТРАНОЙ — такое название дал прогнозу журнал.

«Сегодня, — писал журнал, — пяти миллионам французов от 16 до 25 лет. В 1980-м им будет под сорок. Они станут инженерами, министрами, священниками, генералами, преподавателями, они будут членами административных советов. Одним словом, они будут управлять Францией».

До осуществления предсказания осталось 5 лет. Время, как говорится, еще есть. И все же есть смысл посмотреть уже сейчас, как тем французам прошагалось две трети предсказанного пути, на что они надеются завтра. Журнал к простому любопытству, с которым человек всегда относится к будущему, добавляет два деловых соображения. «40 процентам французов сейчас менее 24 лет. А потому интерес, который проявляют к молодежи, не бескорыстен. Молодой человек — это лишний голос на выборах и прежде всего это покупатель. Перед торговцами пластинками, газетами, книгами, одеждой, досугом, каникулами, кинофильмами появилась огромная масса покупателей, которую стоит завлечь».

Итак, что было главным в характере молодежи пятнадцать лет назад? «Пари-матч»: «Наша молодежь серьезна. В ней порой даже трудно отыскать то, что обычно свойственно молодости». Следующие цифры и выводы подтверждают вывод журнала.

43 процента опрошенных считают, что главное — это здоровье, затем — деньги, 63 процента мечтают «зарабатывать много денег».

На вопрос — для чего копить деньги? — следовали ответы: на автомобиль — 35 процентов, проигрыватель — десять, телевизор — девять, радио — восемь.

«Молодежь, — делал вывод журнал, — думает об эволюции, а не о революции. Для них главное — не заниматься политикой, а производить и лучше распределять. Да и как не поверить в их практичный оптимизм? 59 процентов молодых считают, что «наивысшее удовлетворение» можно найти лишь в домашнем уюте. Итак, прочерчен их жизненный горизонт».

Как же, в изложении «Пари-матч», молодые видели свою жизнь у «горизонта»? «Примерно одна треть мечтает жить самостоятельно. Дело не в семейных разногласиях: между современной молодежью и родителями контакт вообще не был установлен. Половина молодых людей не скрывает своей враждебности к родителям и не доверяет им душевных переживаний».

Каково отношение молодежи к браку? Ответ: «80 процентов молодых считают необходимыми следующие предварительные условия для вступления в брак: завершение военной службы, окончание учебы, квартира, финансовая самостоятельность. Брак для них — наивысшая форма ком-

паньонства, подкрепленного нежностью, доверием и взаимным уважением... Новое поколение все предусматривает, даже количество детей: в среднем 2,17 ребенка, если говорить на языке статистики. 20 процентов хотят иметь трех детей... А как же любовь? «Я умираю без любви» — это теперь всего лишь припев песен их бабушек. Только 13 процентов страдали бы без любви».

Остается еще вопрос из сферы личной жизни: отношение к работе. «Пари-матч» дает характеристику: «Это трудолюбивая, полная ответственности, здравого смысла и надежд молодежь. Вот несколько небезынтересных статистических данных. Из пятерых занятых в производстве молодых людей трое работают более 40 часов и один более 50 при средней продолжительности рабочей недели во Франции 36 часов!»

По мнению буржуазного журнала «Пари-матч», получалась приятная для глаз буржуа картина. Конечно, она могла сбить с толку принципиальных хулителей молодежи, но, как справедливо замечал журнал, «молодежь — это факт, и поздно об этом дискутировать». Стоит же с этим смириться, как все оказывается вполне «на уровне». Тем более что и ответы на самые острые вопросы были, по сообщению журнала, вполне успокаивающими. Конечно, 50 процентов заявили о том, что религия для них безразлична, зато молодежь «не верит в «измы»: коммунизм, социализм, голлизм — все для нее пустой звук!», да и вообще в политику («искусство, которое сотворило меньше всего шедевров за прошедшие пятьдесят лет»).

Правда, многие верят в профсоюзную борьбу и состоят в ВКТ — крупнейшем профсоюзном объединении, где сильны позиции компартии. Но ведь причина того, объяснял «Пари-матч», кроется все в той же «серьезности», в желании «больше производить и лучше распределять». Все это, по мнению журнала, подтверждало одно: «новая религия молодежи Запада — потребление». Разумеется, эта новая религия не без недостатков, один из которых — чувство острого одиночества, владеющее многими молодыми. Опрос, проведенный ЮНЕСКО, свидетельствует «Пари-матч», выявил насущную тягу молодежи к более тесным человеческим контактам: 90 процентов молодых людей высказали двойное желание — понимать других и быть понятыми другими. Не потому ли, продолжает журнал, не умолкают телефоны так называемых служб SOS. Примерно двадцать пять «клиентов» в день, чаще вечером и чаще в мае, звонят по этим телефонам — звонят люди, решившие, прежде чем покончить самоубийством, испытать последний шанс: может быть, люди службы SOS их выслушают... Но все это лишь издержки на новом пути нового поколения.

«Молодежь, — красиво заканчивал «Пари-матч», — начала переговоры с богом, обществом и семьей с целью заключения нового договора, который не будет походить на заключенный нами, их отцами. И напрасно вытягиваться на цыпочках, чтобы заглянуть им за плечо и прочесть этот новый документ. Не получится — они уже слишком высокие...»

Чтобы закончить с прогнозом пятнадцатилетней давности, стоит привести здесь одну небольшую иллюстрацию — цитату из того же «Пари-матча». «Основываясь на вкусах и привычках сегодняшнего простого француза, можно представить себе, как примерно в 1980 году он будет проводить свой вечерний досуг, хотя картина эта в восторг нас не приводит. Итак, он возвращается с работы. Он не стрижет газон: он не англичанин, и у него нет газона; но у него есть собственный домик, купленный в кредит. Он садится в удобное кресло и с наслаждением раскрывает свою сберегательную книжку, иногда бросая взгляд на стоящую у тротуара личную автомашину. Двое детей смотрят телевизор, жена занимается своими делами, еле слышно гудят хозяйственные машины — холодильник или миксер. Все прекрасно — это счастье...»

Точка отсчета будущего

Итак, прошло десять лет, и те, кому на роду было суждено «править страной» и стать «министрами, священниками и членами административных советов», уже, несомненно, на подходе к заветным постам. Ну а что же с остальными, с пятью миллионами? Что принесло им сегодняшнее настоящее, еще десять лет назад бывшее будущим? Как живут по оценке все той же статистики сегодняшние молодые?

У нас есть возможность снова обратиться к анкете. Ее провел еженедельник «Нувель обсерватер» в октябре 1975 года. Заголовок на этот раз к анкете был такой: «СКОЛЬКО СТОИТ СЕГОДНЯ ФРАНЦУЗ?» Прежде чем перейти к вопросам анкеты, приведем здесь одну из жизненных историй, которыми «Нувель обсерватер» сопровождает анкету.

«Ролану Вильому — 33 года. (Кстати, это нынешний возраст тех, кого опрашивал «Пари-матч» в 1965 году. — *Прим. автора.*) Рабочий асфальтового завода в Париже. До этого сменил несколько мест работы. Собирался и теперь переходить. Но не перейдет. 25 сентября он был убит вагонеткой и таким образом подтвердил правильность категоричной статистики — во Франции каждый день от производственных травм погибает 11 человек. Доживи Ролан до 35 лет, продолжает статистика, шансов не погибнуть было бы в четыре раза больше, поскольку именно в четыре раза больше смертность среди рабочей молодежи».

История эта не нуждается в комментариях. Разве только одно замечание: перечитайте то место, где «Пари-матч» прогнозировал будущий досуг француза...

Перейдем, однако, к анкете. Вопросы — ответы.

Чувствуете ли вы угрозу вашему нынешнему положению? Да, и очень большую, — 53 процента. Да, чувствую — 39.

Чем опасен лично для вас экономический кризис? Дороговизной, инфляцией — 53 процента. Безработицей — 50. Финансовыми трудностями — 13. Растущим насилием и преступностью — 9. Усилением левой пропаганды — 4.

Нынешний кризис представляется вам более тяжелым, чем в мае 1968 года? Да — 40 процентов. Несравнимо тяжелее — 28.

Приходится ли вам экономить? Если да, то на чем? На еде — 12 процентов. Одежде — 33. Развлечениях — 32. Книгах, газетах — 65. Отпуске — 20.

Есть ли у вас риск потерять работу до конца этого месяца? Да — 21 процент.

Есть ли у вас знакомые, потерявшие работу? Да — 45 процентов.

Если на вашем предприятии объявят забастовку, примете ли вы в ней участие? Да — 58 процентов.

Ощущаете ли вы себя в опасности? Боитесь ли вы за ваш сегодняшний день и за будущее? Ответ по возрастным группам. 15—24 года: да — 19 процентов; 25—34 года: да — 9,5 процента; 35—44 года: да — 11 процентов.

Вот такая получается картина настоящего. Как видите, сильно отличающаяся от той картины будущего, что рисовал в 1965 году «Пари-матч». Конечно, вопросы двух журналов не совсем совпадают (приведем, кстати, — поскольку такой вопрос был в прошлой анкете, — вопрос «Нувель обсерватер» о том, как теперь смотрят молодые семьи на желательность появления ребенка: 50 процентов предпочитают не обзаводиться детьми), но вывод очевиден: прогноз тот оказался несостоятелен. Тем более что и в политике — и особенно в политике! — молодой человек вел себя не то чтобы не по-«парижматчевски», а как раз наоборот. «Пари-матч», как вы помните, сообщал, что «серьезные» молодые люди поколения 65-го года не интересуются политикой и всякими «измами». Но уже в 1968 году, в мае, молодежь Парижа строила баррикады, пытаясь — пусть заведомо без надежды — сокрушить «истэблишмент» капитализма. Откройте месячную подшивку газет, два шанса из трех (чем не статистика?), что вы прочтете информацию о забастовке, о митинге трудящихся в защиту своих прав, о студенческой демонстрации солидарности со страдающими и борющимися... Короче, вы прочтете о том, что французы, особенно молодые, каждый день говорят, думают, совершают поступки, борются и страдают за определенное будущее. Каждый его мыслит по-своему, и мысли их встречаются, образуя не только диалог и спорные моменты, но и согласие, желание и решительность действовать сообща, чтобы изменить настоящую ситуацию, чтобы в будущем снова не оказаться в ней. По-разному и по разным причинам оценивают эту ситуацию французы. Но есть — и их много есть! — старых, пожилых, в возрасте и молодых французов, которые приходят к выводу, что их будущему мешает то простое соображение, что ситуация, портящая жизнь, зовется в конечном итоге капитализмом. Что в будущем именно его и не должно быть...

Вернемся к анкете «Пари-матча». Отчего же так все в будущем было хорошо на бумаге и так не очень хорошо получилось в настоящей жизни? Может, все дело в точке отсчета будущего, от которой каждый человек и целые общества людей начинают «просчитывать» завтра? Может быть, следующее рассуждение поможет ответить на этот вопрос?..

Представьте: живет где-то племя людей — отсталое, или, как говорят этнографы, первобытное. Живет у реки и, естественно, кормится рыбой. Чему учат деды и отцы своих внуков и детей? Правильно: ловить рыбу. Но представьте, что где-то выше по течению, километров за пятьсот, приезжают люди с динамитом и бульдозером и строят плотину и осушают русло реки, где племя ловит рыбу. А мудрецы того племени говорят и говорят только одно: в реке наша рыба, наша пища, наша жизнь, наше будущее... Они, когда говорят о будущем, исходят из настоящего. А когда говорят о настоящем, исходят из прошлого.

Такая же штука происходит со всяким обществом, которое не любит и не терпит перемен. И что важно — не предвидит их. Лучший учебник для общества меняющегося — современность. Лучший учебник для общества обновляющегося — само будущее. Наверное, так.

Леонид ПЕРЕВЕРЗЕВ

КАНТРИ: СЕЛЬСКАЯ МУЗЫКА СТАНОВИТСЯ ГОРОДСКОЙ

Легкая, или «популярная», музыка в Соединенных Штатах уже давно стала мощной отраслью индустрии развлечений. Ее потребляют миллионы людей, и не только в Америке. Однако внешний облик, характер и содержание этой музыки существенно меняются во времени. Причем изменения определяются не только открытием новых художественных приемов, прогрессом в средствах коммуникации или поисками большей прибыли. Они свидетельствуют также об эволюции эстетических потребностей массовой аудитории Запада.

Очень важно при этом иметь в виду, что меняется также и социально-возрастной состав самой аудитории. Так, в начале XX столетия потребителями легкой музыки были в основном люди среднего возраста из слоев мелкой городской буржуазии. Сегодня основной контингент слушателей музыкальных новинок образует учащаяся и рабочая молодежь. И если вплоть до середины 30-х годов массовый вкус был ориентирован преимущественно на подражание «салонно-великосветским» или «столичным» образцам, то ныне он все решительнее обращается в сторону «низовых», демократических жанров. Среди последних особенно большой популярностью пользуется жанр, именуемый «кантри».

Еще не так давно музыка в стиле кантри, то есть «сельская», или «деревенская», музыка, ютилась где-то на задворках американской эстрады. Жители больших городов, подчеркивающие свою «современность» и стремление к новизне, считали ее крайне примитивной, безнадежно устаревшей и не заслуживающей ровным счетом никакого внимания. В самой интонации, с которой горожане в Соединенных Штатах произносили слово «кантри», слышалось иронически-снисходительное, а то и откровенно презрительное отношение к наивным провинциалам, обитателям медвежьих углов, темной и неотесанной деревенщине...

Но в последние годы положение стало круто меняться: музыка кантри, или кантри-мьюзик (сегодня это словосочетание стало таким же международным термином, как спиричуэл, блюз, джаз или свинг), стремительно приобретает все более широкую популярность, завоевывая массовую аудиторию не только в Америке, но и далеко за ее пределами; в Западной Европе, например, состоялось уже несколько крупных кантри-фестивалей. Исполнители кантри успешно соперничают, а подчас и превосходят звезд рок-музыки в тиражах пластинок и нотных сборников своих песен.

Многие авторы говорят в этой связи о «деревенском взрыве», потрясающем основы городской музыкальной культуры.

Роберт Фрипп, ансамбль «Кинг Кримсон», Великобритания. Для меня всегда существовали только три вида музыки: классическая, джаз и «рок». Каждая из них имеет свою индивидуальность, свою грамоту, своих музыкантов и свой образ жизни. Но факт и то, что сейчас музыка и музыканты меняются и мешаются. Соединение джаза и «рока», классической и поп-музыки является в конечном итоге лишь синтезом уже существующих жанров...

Ринго Старр, бывший участник ансамбля «Битлз». Современная поп-сцена для меня загадочна — я не могу определить путь, по которому будет двигаться популярная музыка. Возможно, через год-полтора массовый вкус будут ублажать итальянские теноры или еще кто — не знаю.

Роберт Мелтцер, музыкальный критик, США. Рок-музыка нужна человеку не для того, чтобы помочь ему найти смысл жизни, а чтобы уберечь (именно — уберечь) его от подобных поисков.

Откуда, в самом деле, появился этот загадочный жанр и в чем секрет его неожиданного и столь внушительного успеха? Чтобы получить ответ на этот вопрос, посмотрим сначала, как формируются популярные жанры в системе индустрии развлечений США.

Полвека назад, когда эта индустрия еще ничего не знала о кантри, она целиком сосредоточивалась в Нью-Йорке. Там, в районе улицы Тин-Пэн-Элли, чье название стало потом нарицательным для всего направления «популярной песни», помещались нотные издательства с огромным штатом собственных авторов и сонгплангеров — «песенных толкачей» или исполнителей-рекламистов, специалистов по сбыту, призванных убеждать солидных оптовых покупателей — импресарио и эстрадных звезд — в перспективности и «пробивной силе» предлагаемого им товара. Рядом с Тин-Пэн-Элли находился и Бродвей — Великий Белый Путь, — откуда новые мелодии, дебютировавшие на подмостках его многочисленных театров, начинали свое путешествие по всей стране. С началом массового производства граммофонных пластинок и регулярного радиовещания влияние Бродвея и Тин-Пэн-Элли как законодателей музыкального вкуса и моды неизмеримо возросло. Голливуд, приобретший после рождения звукового кино не меньший вес в мире популярной музыки, по существу, лишь переносил на экран то, что впервые исполнялось и одобрялось Нью-Йорком. Их совместными усилиями был сформирован жанр американской популярной песни, который получил симптоматичное имя «стандарт». В меру чувствительные, в меру игривые, эти популярные песни носили заманчивые названия и повествовали о романтическом томлении «Одиноких сердец», остающихся «Пленниками любви», и о счастливых парах, «Танцующих в темноте», пьющих «Лунный коктейль» или «Чай для двоих», строящих «Лестницу к звездам» и самодовольно объявляющих о том, что «Любят все мою милашку, но она ждет лишь меня».

Образам реальной действительности не было доступа в этот безоблачно-счастливый, розово-голубой мир, столь непохожий на повседневное существование обычного жителя Нью-Йорка, Питтсбурга, Чикаго или Детройта. И уж совсем ничего общего не имел он с тем миром, в котором жили миллионы батраков и мелких фермеров, шахтеров и землекопов, железнодорожников и текстильщиков, — короче, всех тех, кто принадлежал к низшим классам общества и составлял наиболее глубинный, почвенный слой одноэтажной Америки. Продукция Тин-Пэн-Элли не пользовалась среди них заметным спросом, и большой музыкальный бизнес долгое время попросту игнорировал сам факт их существования. Но мелкие провинциальные фирмы смотрели на дело иначе: не будучи в силах конкурировать со столичными китами в сфере «стандарта», они устремили внимание как раз на эту «дискриминированную» часть потенциальных потребителей и принялись интенсивно подыскивать типы музыкальных пьес, отвечающих их специфическим вкусам и склонностям.

Так, в самом начале 20-х годов оказалось, что негритянское меньшинство образует необычайно емкий рынок для так называемых «расовых» пластинок (race records) с записями блюзов и традиционного инструментального джаза. Примерно тогда же неутомимые разведчики и конкистадоры индустрии развлечений открыли еще один музыкальный континент — на этот раз среди сельского населения Теннесси, Джорджии, Кентукки, Вирджинии и других юго-восточных штатов, в том числе и в наиболее труднодоступных глухих районах Аппалачских гор.

Вплоть до начала XX века обитатели этих мест занимались патриархальным земледелием, не имея почти никаких прямых контактов с современной им промышленной Америкой. Их называли «хиллбилли» — «парни с холмов», и они жили примерно так же, как их далекие предки, переселившиеся сюда около трех столетий назад из Англии, Шотландии и Ирландии.

Они по-прежнему распевали баллады о трагической судьбе Мэри Гамильтон, казненной в Глазго еще при Стюартах за убийство собственного новорожденного, отцом которого был король, пальцем не пошевельнувший, чтобы спасти свою возлюбленную от позорной петли; о несчастной Барбри Эллен, много лет подряд отвергавшей любовь юного Уильяма Грина и лишь в миг его смерти понявшей, что любит его сама; о ветреном молодом возчике, разбивающем девичьи сердца в каждой деревне, где он останавливался, чтобы дать отдых своим коням...

Все эти старинные европейские песни исполнялись, правда, на типично американский лад. Так, аккомпанируя себе на скрипке, гитаре или банджо — инструменте, заимствованном у негров-невольников, хиллбилли вносили в свою музыку интонации блюза и необычную ритмическую остроту. Сильнее всего воздействие негритянской музыки проявилось в творчестве Джимми Роджерса, умершего от туберкулеза в 1933 году и тридцать лет спустя торжественно провозглашенного «отцом кантри-мьюзик». На его пластинке «Блю Йодль № 9» ему аккомпанировали пианист Эрл Хайнз и мало тогда известный трубач Луи Армстронг.

Ускоренное развитие промышленности, вызванное первой мировой войной, технический прогресс в средствах транспорта и связи, массовые миграции населения нарушили долгую культурную изоляцию Юго-Востока. Новая действительность вторгалась в музыку хиллбилли, заставляя ее непрерывно изменяться и вместе с тем открывая перед ней новые пути распространения.

В период Великой депрессии, охватившей Соединенные Штаты в 30-е годы, десятки и сотни тысяч разорившихся фермеров, угольщиков, ткачей искали спасения от голода, безработицы и смертоносных «пыльных бурь» в бегстве на Запад. Караваны переселенцев передвигались по дорогам страны на повозках, запряженных парой мулов, а то и просто пешком с котомкою за плечами. В пути они подбадривали себя песней Джимми Роджерса о необходимости «добраться до Калифорнии, где люди спокойно спят каждую ночь», и повторяли призыв семейного трио Картеров «не падать духом и держаться солнечной стороны жизни».

К этому времени произведения хиллбилли все чаще начинают откликаться на актуальные общественно-политические события; характерное изменение тематики их песен отражало быстрый рост классового сознания американского пролетариата. К тому же такие широко известные авторы-исполнители, как Гэбел Ривс по прозвищу Техасский Бродяга (ему принадлежит знаменитая в 30-е годы песня «Я скитался, бродяжничал, бедствовал») и Гарри Мак-Клинтон, были еще и видными активистами «Индустриальных рабочих мира» — крупнейшего профсоюзного объединения тех лет. Неофициальным гимном союза стали саркастические куплеты Мак-Клинтона «Аллилуйя, я бездомен». Мотивы тяжелого и опасного труда, но вместе с тем и профессиональной гордости звучали в «Блюзе железнодорожного тормозного» Джимми Роджерса, «Шахтерском блюзе» семейства Картеров и «Блюзе водителя грузовика» Тэда Даффэна.

Продвигаясь на Запад, в Оклахому, Техас и Калифорнию, эта музыка испытывала многообразные влияния со стороны различных этнических групп, входящих в состав американской нации. Грамзапись и радио необычайно ускоряли подобные процессы, а с изобретением звукового кино знаменитый приключенческий жанр «вестерн» получил соответствующее музыкальное сопровождение того же названия в форме ковбойских песен, имевших много родственных черт с мелодиями хиллбилли.

Но все же подавляющее большинство творцов и продолжателей этого жанра составляли бродячие авторы-исполнители, перебивавшиеся случайными выступлениями на провинциальных радиостанциях, обслуживающих сельские районы, или же в захудалых барах на окраинах промышленных городов Севера, где собирались по вечерам деревенские беглецы...

А затем пришла вторая мировая война, перемешавшая миллионы южан и северян у конвейеров оборонных заводов, в армейских бараках и на полях сражений. Мелодии Бродвея и Голливуда все еще почти безраздельно царили в эфире и на экране, но именно песни простого народа стали в эти дни символом традиционных идеалов и ценностей демократической Америки. После окончания войны эти песни продолжали пользоваться неизменной популярностью среди вчерашних солдат и рабочего класса Соединенных Штатов. «Секрет нашего успеха очень прост, — говорил один из их любимцев, певец и автор Хэнк Уильямс, скончавшийся в возрасте двадцати девяти лет и прозванный «Шекспиром хиллбилли», — его можно объяснить одним словом, и слово это — искренность. Когда хиллбилли начинает, скажем, какую-нибудь отчаянную песню, он и сам чувствует такую же отчаянность. Когда он поет «Похороны матери», он видит перед собой свою собственную мать, лежащую в гробу. Он поет куда более искренне, чем большинство эстрадных певцов, потому что он вырос в куда более тяжелых условиях. Нужно знать, что такое работа в поле от зари до зари. Нужно как следует познать запах скотного двора, прежде чем вы сможете петь так, как настоящий хиллбилли. Люди, которые выросли в подобной обстановке, знают, о чем он поет, и они благодарны ему за это. Ведь то, что он поет, — это надежды, и мольбы, и ожидания, и мечты, и переживания тех, кого называют «рядовыми людьми». А я называю их «лучшими людьми», потому что именно на них и держится в основном мир. Это ведь их трудом строится жизнь в нашей стране, да и во всех других стра-

на стр. 24▼

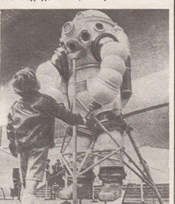
АНТИМОДА ФИРМЫ „ДЖАП“

Чтобы выбиться в люди на поприще моды, да еще в Париже, нужно придумать что-нибудь эдакое, доселе не приходившее в голову никому. Японец Кэндзо Такада стал знаменитостью, положив начало новому течению — антимоде. Комментарий западногерманского журнала «Штерн» к представленному здесь наряду из новой коллекции К. Такады таков: «...а горнолыжную маску, гуляя по улице, лучше нести в сумочке». Сказано в точку.

СКОЛЬКО ЛЕТ РОБОТАМ?

Теперь слово «робот» знают младенцы, для них это привычная игрушка. А когда-то роботы удивляли: еще в 400 году до н. э. греческий философ Аркита сконструировал летающего орла и голубя и самоползающую улитку, которых с трудом можно было отличить от настоящих. В 1509 году великий Леонардо да Винчи смастерил для Людовика XII льва. Лев на глазах изумленных придворных пересекал тронный зал и, усевшись перед монархом, раскрывал передней лапой мощную грудь, обнажая герб Франции!

Хитроумные устройства, способные творить «чудеса», известны человечеству еще со времен майя, инков и ацтеков; это они заставляли раскрываться двери храмов и поднимали из-под земли алтари. Самый же древний, дошедший до нас робот-автомат хранится в лондонском Британском музее. Аппарат по нынешним временам прост: в щель опускались две монеты, и через кран лилось вино. Дата и место изготовления: 200 год до н. э., Спарта.

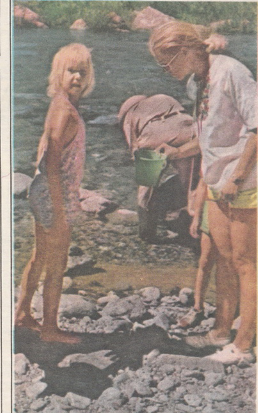
«ЗВЕЗДЫ» — ДОМОЙ!». В последние месяцы английские «звезды» поп-музыки покидают Великобританию уже не группами, а толпами, причем скорость отъезда растет прямо пропорционально увеличению их банковского счета. Дело в том, что по британским законам исполнители-миллионеры, такие, как Эрик Клаптон, Род Стюарт, Мик Джеггер и другие, обязаны ежегодно платить государству налог в размере 83 процентов своего дохода. До недавнего времени налог этот распространялся только на деньги, получаемые внутри Соединенного королевства, и не касался заграничных гонораров, в частности американских. В этом, кстати, главная причина, почему рок-звезды предпочитали выступать в США, а не дома.

Но с апреля 1974 года зажатое в тисках инфляции лейбористское правительство решило облагать налогом любые заграничные заработки британских граждан, если данный гражданин проводит в Великобритании больше 183 дней в году. И вот тут-то и начался массовый исход рок-звезд. Доходило до нелепейших случаев. Так, солист группы «Лед Зеппелин» Роберт Плант попал в автомобильную катастрофу на острове Родос, в

А ВДРУГ ПЕРЛ?

Отыскивать перлы — задача увлекательная. И не только для тех, кто любит выписывать из текстов нелепицы, но и для охотников за настоящими «перлами» — жемчугом.

Вы видите, с каким самозабвением предается этому занятию шотландская семья. Причем снята она не где-нибудь на экзотическом острове в Южных морях, а дома, в Шотландии. Найти в горной реке раковину-жемчужницу очень и очень непросто: кроме упорства и настойчивости, искателю не обойтись без удачи... Говорят, новичкам везет — вероятно, именно этим соображением руководствовались учителя местных школ, когда дали детям задание на каникулы — попробуйте отыскать в родном краю перл.

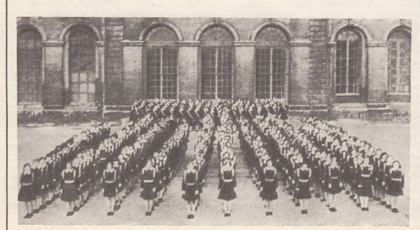

„ГИБРИД МОНАСТЫРЯ И КАЗАРМЫ“

Так определила свое учебное заведение в беседе с корреспондентом французского журнала «Пари-матч», девушка, пожелавшая остаться неизвестной. Закрытая школа «Дочерей Почетного легиона», насчитывающая 400 воспитанниц, отгорожена от мира высокими стенами старинного аббатства в парижском предместье Сен-Дени. Учредил школу в начале XIX века Наполеон. Сейчас родители отдают туда своих дочерей, «чтобы не иметь с ними хлопот дома».

— Наша школа призвана оставаться бастионом порядка в море анархии, охватившей отечественную систему образования, — заявляет директриса, 70-летняя мадам Эрмин дю Куэдик де Кергуален. «Порядок» означает: ежедневные построения и шагистика, запрет иметь личные вещи, отсутствие транзисторов, регулярные обыски, проверка получаемых и отсылаемых писем. Как относятся ко всему этому воспитанницы?

— Мы не хотим больше жить затворницами, хотим знать, что происходит в мире, знакомиться со сверстниками, читать все книги, уяснить, что такое марксизм. Хотим перестать считаться «элитой», а быть нормальными людьми.

Греции. Озабоченный менеджер группы решил отправить Планта на консультацию в Лондон. Сойдя на землю Англии, Плант вдруг вспомнил, что уже пробыл здесь положенное число дней в этом году и что еще секунда — и на него накинется разбойник-фининспектор. Невзирая на боль, он доковылял до самолета, отлетавшего в Америку...

В принципе все это, конечно, маленькие трагедии богатых людей, но тут в дело вступила политика. Консервативная партия включила лозунги «Прекратим утечку славы — снизим налоги для рок-звезд» и «Звезды — домой!» в свою предвыборную кампанию. По мысли, это должно действовать на молодых избирателей, соскучившихся по домашним «идолам».

ШПАРГАЛКИ. Три часа спустя после начала выпускных экзаменов на юридическом факультете Миланского университета итальянское министерство юстиции вынуждено было прервать академическую процедуру. Сразу после объявления темы «Ошибки в законе о наказаниях» полицейская патрульная машина обнаружила рядом со зданием университета передвижную передающую станцию, подробно излагавшую тему.

„РАДИОПИРАТЫ" ОТЧАЛИВАЮТ

Многие годы в западноевропейском эфире царила «толчея»: создавая помехи официальным радиостанциям и станциям различных служб авиа- и морской навигации, метеорологической и другим, на всех частотах пиратствовали нигде не зарегистрированные частные передатчики. Их так и прозвали — «радиопиратами». Круглые сутки они забивали эфир попмузыкой вперемешку с рекламой, которая и приносила доход. Наконец, в ряде стран был принят специальный «антипиратский закон». Последней к нему присоединилась Голландия. Парламентарии в Гааге зашевелились, когда, как говорится, грянул гром: между «пиратами» разразилась мини-война. Новый конкурент — радиостанция «Нордзее интернационале» бросила якорь неподалеку от яхты «Радио Вероника». Владельцы «Вероники», братья Фервей, не могли смириться с вторжением в их вотчину, приносившую ежегодно 20 миллионов гульденов. (Заодно братья торговали гробами, морожеными кроликами и чулочно-носочными изделиями.) В одну прекрасную ночь они подожгли «Нордзее». Парламент, спохватившись, вспомнил, что до сих пор не ратифицировал «антипиратский закон». Но «Вероника» не сдается. По ее призыву 150 тысяч поклонников поп-программ «Вероники», врубив на полную мощность транзисторы, осадили здание парламента. Но депутаты не дрогнули и проголосовали за то, чтобы прихлопнуть радиокормушку. Теперь у «пиратских» судов один курс — к новым берегам. Каким?..

ЗНАКОМЫЕ ВСЕМ ЛИЦА

«Рамаяна», древнее сказание о Раме и Сите, известно в Индии каждому. Эпизоды великого эпоса можно видеть изваянными на барельефах, в исполнении актеров, танцоров, на рисунках и представлениях кукольного театра. Ежегодно во многих штатах Индии проводится фестиваль «Рамаяны». Ребята готовят какой-нибудь отрывок — излюбленными считаются сцены охоты, во время которой коварный правитель Равана похищает у Рамы красавицу Ситу, или бой армии обезьян с демонами. Школьники делают маски, разучивают танцы, осваивают игру на национальных инструментах. Победители получают право показать свое искусство по телевидению.

ГЛАДИАТОРЫ ВОЗВРАЩАЮТСЯ?

Фильм американского режиссера Нормана Джунсона, недавно вышедший на мировой экран, называется «Роллербол» и рассказывает о гладиаторах двухтысячного года. Игра, которой заняты киногладиаторы будущего, носит то же название и в своей основе родственна всем играм в мяч — нужно завладеть этим мячом и отправить его в электронную (XXI век!) лузу. Пока, как видите, все просто. Осложнения начинаются дальше.

Амуниция спортсменов взята из наших годов: шлемы на головах, защитные костюмы, как доспехи игроков в американский футбол; на ногах — роликовые коньки; на руках — перчатки, правая из них с внешней стороны «украшена» металлическими шипами; под седлом — мощные мотоциклы. Как видите, пока и это не очень страшно. Почти как сегодня.

«Будущее», как его показывает режиссер, заключено в следующем. Игра эта, роллербол, происходит на стадионе, вмещающем сотни тысяч зрителей. Кроме того, матч передается по всемирному телевидению для четырех миллиардов жителей Земли. А весь «познавательный смысл» этой игры заключается в предельной жестокости. Все, буквально все средства, годные для физического уничтожения противника, в том числе и «роллер» — мотоцикл, и «бол» — мяч, выпускаемый из пушки, допускаются и даже приветствуются правилами.

Будущее здесь, по мысли авторов, заключается в том, что человечество с помощью таких вот игр и зрелищ научится снимать в каждом индивидууме агрессивность — и нет тебе ни войн, ни революций. Все очень просто. Прошлое же, и глубокое прошлое, наверное, заключается в том, что человечество все это уже знало — когда-то, во времена Римской империи, уже «снимали» агрессивность с помощью смертельных боев гладиаторов. Теперь вот об этом же подумывают в обществе, где агрессивность, насилие стали бичом. Режиссер не питает надежд, что в будущем насилия станет меньше. Он лишь предлагает для «снятия» его футурологические новинки: роллербол, электронную лузу, всемирное телевидение и смерть на арене...

со стр. 21 ▼

нах тоже. Потому-то наши песни и понимают повсюду».

Их не только понимали, но и требовали во всевозрастающем количестве. Соответственно поднимались прибыли издателей и фабрикантов грампластинок, увеличивались гонорары сочинителей и певцов. Менялись также форма и содержание песен. К началу 50-х годов они уже очень далеко ушли от сравнительно простых куплетов; появление электрогитары и расширившийся состав аккомпанемента приблизили их к общему направлению американской популярной музыки, в каталогах грампластинок и программах радиопередач они стали обозначаться новым именем «кантри-энд-вестерн». Ими заинтересовалась пресса, музыковеды пытались выяснить их происхождение и установить, чем именно они отличаются от поп-музыки «стандарта».

«Песня в стиле «кантри-энд-вестерн» обычно проста по структуре, обладает ясной и плавной мелодией и всегда о чем-то рассказывает, — писал один из критиков в статье под примечательным заголовком «Музыка хиллбилли покидает холмы». — Ее настроение чаще всего меланхолично, что присуще большинству народных песен; у простых людей всегда достаточно трудностей в жизни. Аккомпанемент, чаще всего гитарный, создает четкий ритмический бит. У настоящих песен кантри не бывает изысканных оркестровок, впечатляющих звуковых эффектов и «симфонических» пассажей с большим количеством скрипок».

«Народные песни — это эпиграммы, — говорил композитор Рой Харрис. — Многословная риторика начисто отсеяна из них решетом времени. Они могут быть «обыкновенными, как земля под ногами», но земля, соленая от трудового пота и тяжелого опыта. Эти песни есть не что иное, как нескончаемое эхо жизни, любви, рождения и смерти; работы и игры, надежды и отчаяния, успеха и поражения».

Самым ярким символом разительных перемен в положении кантри-мьюзик могла служить судьба одного города Соединенных Штатов, по традиции считавшегося «классическим» образцом провинциального американского захолустья. На рубеже XIX и XX веков О'Генри избрал его местом действия своего рассказа «Город без происшествий», поставив в качестве эпиграфа следующие слова литератора Фрэнка Норриса: «Ну, можно ли представить себе роман о Чикаго, или о Буффало, или, скажем, о Нэшвилле, штат Теннесси? В Соединенных Штатах всего три города, достойных этой чести: прежде всего, конечно, Нью-Йорк, затем Новый Орлеан и лучший из всех — Сан-Франциско».

Здесь трудно удержаться и не заметить в скобках, что, за исключением Буффало, все города, названные Норрисом, самым тесным образом связаны с историей американской музыки. Так, Новый Орлеан — это колыбель джаза, пережившего свой первый расцвет (так называемую «золотую эру») в Чикаго. Сан-Франциско, имеющий давние и очень богатые традиции испано-американской и восточно-азиатской художественной культуры, оказался в 60-х годах питомником наиболее своеобразных форм рок-музыки. Нью-Йорк, как мы уже говорили, почти столетие являлся законодателем жанра «популярной песни».

Нэшвилл же вплоть до второй половины нашего века не был примечателен в этом смысле ничем, если не считать, правда, одного обстоятельства: регулярной серии передач хиллбилли и кантри-мьюзик, ведущихся по местной радиостанции WSM каждую субботу начиная с 1925 года!

Поскольку исполнители хиллбилли привыкли выступать перед «своими» слушателями, готовыми живо реагировать на каждую удачную фразу или интонацию, вступать в оживленный диалог с певцом, а подчас даже образовывать импровизированный хор, в студию всегда приглашалась публика, что придавало передачам непринужденную атмосферу подлинно народного музицирования. Однако число желающих попасть на подобные концерты непрерывно возрастало, и с 1941 года серия стала транслироваться уже по всей стране из старинного, построенного еще в XIX веке зала торжественных собраний. Постепенно вокруг станции сгруппировались лучшие певцы, инструменталисты, композиторы и авторы текстов; в середине 50-х годов при ней развернулась практика звукозаписи кантри-мьюзик, а в начале 60-х средоточием деловой жизни города стал «Музыкальный ряд», застроенный самыми высокими и современными зданиями, где разместились студии, граммофонные компании и нотные издательства. Заправилы музыкального бизнеса из Нью-Йорка и Голливуда с запоздалой торопливостью наверстывали упущенное, посылая своих авторов, певцов и даже звукорежиссеров в Теннесси «на стажировку» для привития им «привкуса кантри», столь ценимого публикой и приносившего теперь столь значительные дивиденды. Создание «Галереи славы» и музея кантри-мьюзик окончательно закрепило за Нэшвиллом прозвище «Мьюзик-Сити», но высшим моментом его триумфа стал весенний день 1974 года, когда WSM начала вести свои субботние радио- и телепередачи из специально спроектированного в стиле новейшей архитектуры концертного зала «New Grand Ole Opry», вокруг которого был разбит парк под названием «Opryland».

Однако по мере того, как кантри-мьюзик укрепляла свое экономическое положение, она все заметнее теряла свою былую бескомпромиссность и верность традиции. Так, увлечение рок-н-роллом, охватившее массы американских подростков в середине 50-х годов, побудило многих музыкантов, начавших свою карьеру в качестве исполнителей кантри (в их число входили, кстати, Билл Хэйли с его «Кометами» и Элвис Пресли), немедленно переключиться на этот модный и коммерчески более перспективный в то время жанр.

Признаки творческого возрождения кантри наметились лет десять спустя, когда протестующая молодежь Соединенных Штатов стала заново открывать для себя глубокую социальную содержательность народной музыки, а через нее — постигать природу и духовный мир тех, кого в те годы принято было именовать «молчаливым большинством». Проницательный анализ этих процессов дал Кристофер Рэнн: «Кантри-мьюзик настроена довольно критично к социальным условиям и образует нечто вроде лояльной оппозиции!».

Тем не менее опыт показывает: когда эта оппозиция берет слово, она говорит громким и ясным голосом, нисколько не боясь задеть и саму систему, всегда называя вещи своими именами и находя для них точные и убедительные музыкально-поэтические образы.

Немалая часть новейших произведений кантри фактически представляет собой «журнализм в песне», как называет свою деятельность виднейший представитель этого течения Том Холл. Еще в начале 60-х годов, задолго до того, как экологический кризис стал темой дня, в «Сотне детей» Холл обратился к тем, кто готов был превратить землю в безжизненную пустыню:

Пожалуйста, не взрывайте весь мир,
Не рубите подряд все леса,
Всех цветов не вытаптывайте
И оставьте нам чистой воды, если можно.
Разумеется, все это ваше сегодня,
Но ведь завтра достанется нам в этом жить,
Так подумайте хоть немного про завтра...

Один из самых горьких песенных «очерков» Холла — «Мама, испеки пирог», — излагаемый от лица молодого ветерана, потерявшего во Вьетнаме обе ноги, строился по типу лубочно-патриотических повествований о счастливом возвращении домой победоносного солдата:

Сэр, вы правы, конечно. Большое спасибо,
Ради наших любимых звезд и полос
Их отдать, безусловно, стоило.
И к тому же, поскольку ходить мне теперь не придется,
Экономия выйдет заметная на ботинках!

Подобно всем авторам и певцам кантри, Холл не стремится становиться в позу проповедника или пророка и вообще как-либо специально отделять и возвышать себя перед своими слушателями. «Я думаю, — говорит он, — что пишу по той же причине (хотя, конечно, вряд ли с такой же точностью и остротой), по которой писал Марк Твен, — то есть из желания показать людям, что они вовсе не так уж одиноки в своих личных разочарованиях и страхах».

Но, когда людям говорят о таких вещах, им становится легче справляться со своими личными проблемами, и к тому же в этих случаях кантри-мьюзик (как, впрочем, и любое другое настоящее искусство) неизбежно приводит к проблемам общественным. Стоит заметить, что честность высказываний кантри нередко вызывает недовольство власть имущих.

«Если сильная антивоенная песня будет пользоваться большим спросом у публики, ее перестанут передавать по радио, — констатировал, ссылаясь на собственный опыт, Джон Д. Лаудермилк. — Они думают, что любая антивоенная песня написана коммунистом, или трусом, или дезертиром. Но мы живем сейчас в такое смутное время, что наша музыка отражает хаос и смятение, сквозь которые мы проходим. Мы нуждаемся в диалоге. Разумном диалоге. Кантри-мьюзик может стать подлинным рупором для выражения общественного мнения».

И в диалоге, развернувшемся по всей Америке, кантри-мьюзик неизменно занимает вполне определенную позицию, выступая от лица тех, кто испытывает нужду, притеснения и несправедливость.

Харлан Хауорд, уже находясь на вершине славы и материального благополучия, написал во второй половине 60-х годов песню «Разоренные» — о массовой нищете среди мелких фермеров Юга. «Не играйте теперь в снегу», — предостерегал

Джон Лаудермилк, имея в виду радиоактивные осадки от испытания ядерных бомб. Джонни Кэш повествовал о положении американских индейцев, загнанных в резервации, используя характерную форму «разговорного блюза» под названием «Горькие слезы». Между прочим, Кэш был первым, кто признал Боба Дилана достойным продолжателем традиций народной музыки США, отметив затем в одной из своих песен, что и длинноволосые подростки могут быть способны поведать людям нечто существенное:

Неважно, какой у них вид,
Если только у них есть правда.
Это просто покрой одежды
И не более, чем форма прически,
А за ними — одинокий мятущийся голос
Юности,
Вопрошающий нас: что есть истина?

Бывали, правда, случаи, когда кантри-мьюзик решительно отказывалась от диалога с теми, кто занимал крайне правые, ультрареакционные позиции. Мерл Хаггард не согласился поддержать своими выступлениями кампанию по переизбранию на пост губернатора Алабамы воинствующего расиста Джорджа Уоллеса. Вместо этого он записал на пластинку песню (долго ожидавшую выхода в свет) о белом мужчине и черной женщине по имени Ирма Джексон, которая заканчивалась словами: «Если моя любовь к Ирме Джексон — это смертный грех, то я отказываюсь понимать сумасшедший мир, в котором это возможно».

С точки зрения Хаггарда, рабочий человек, живущий от получки до получки, озабочен не столько абстрактными идеями протеста как такового, сколько конкретными проявлениями конкретной несправедливости. «Утверждают, что так называемого «молчаливого большинства» не существует в действительности. Я не согласен. Десять лет назад я работал на фабрике. У нас просто не было времени стать «говорящим большинством». Мы не могли устраивать походы на Вашингтон каждый раз, когда кто-нибудь предлагал: а не прошвырнуться ли нам в столицу?.. Но я думаю, что молчаливое большинство могло бы согласиться со многим, о чем заявляет другое большинство, уже не такое молчаливое».

Уместно напомнить, что динамика общественно-политической жизни Америки 60-х годов проявлялась прежде всего в необычайной активности студенчества. В университетских кампусах по всей стране юноши и девушки самозабвенно обсуждали проблемы бедности и расового неравенства, выступали против агрессии в Индокитае и гонки вооружений, проводили сидячие забастовки и марши свободы. По многим причинам, в том числе и по жизненной неопытности, они склонны были считать себя не только ведущей, но и вообще единственной силой, делающей современную историю. Действительность оказала им большее сопротивление, чем они могли предполагать, и многие пережили в связи с этим горькое разочарование, а кое-кто и полностью разуверился в том, чему еще вчера так увлеченно поклонялся. Эти экс-бунтари используют сегодня кантри-мьюзик как тихое и уютное убежище, где они в состоянии залечить душевные раны, полученные в пору их уже отцветшей юности. Для других кантри становится своего рода символом разрыва с теми крайне левыми лозунгами и программами, которые доминировали в молодежном движении предшествующего десятилетия и находили свое художественное выражение в музыке стиля «рок». Стоя в позе блудного сына, воротившегося к отчему порогу, и обоняя запах уже зажариваемого по этому поводу тучного тельца, они получают утешение и поддержку в таких, например, словах песни Хауорда:

Не выпить ли рюмочку за хороших парней,
Честно трудящихся всю неделю
И не стыдящихся слез на глазах
При виде американского флага?
Да, не выпить ли еще раз за них,
Тех, кто кормит своих детей и любит жену,
Живет, как все нормальные люди.
И не делает шума ни в газетах,
ни на телеэкране?

Но новое поколение, идущее им на смену, обращается к музыке кантри с совершенно иных позиций и с иными запросами. Непримиримая полемичность и воинствующее отрицание, нередко переходившие в откровенный нигилизм и анархический бунт, теперь понемногу уступают место более спокойному анализу обстановки и поиску каких-то устойчивых позитивных ценностей, могущих послужить основой для продвижения к социальной справедливости и нравственному прогрессу. Американская молодежь середины 70-х годов ищет и находит в кантри-мьюзик огромную историческую панораму ожиданий, мыслей и чувств американского пролетариата, почти не принимавшегося в расчет либеральным студенческим движением 60-х. Слушая, исполняя и сочиняя старые и новые песни этого жанра, оно приобщается к действительным проблемам и психологии той части рабочего класса и того «молчаливого большинства» Соединенных Штатов, которое никак нельзя отождествлять с ограниченным, самодовольным и консервативным мещанством и которому еще предстоит сказать свое слово по поводу судеб своей страны.

Какие же прогнозы можно сделать о будущем кантри в контексте общего движения популярной музыки США?

Сегодня этот жанр приблизился к пику своего артистического (и коммерческого) расцвета. Но законы индустрии развлечений, повторяющие в главных чертах основные законы всей капиталистической экономики, неумолимо действуют и здесь: если ведущие исполнители и сочинители кантри будут втянуты целиком в орбиту большого музыкального бизнеса (а со многими из них это уже произошло или происходит), то через какое-то, вероятно, не слишком большое время наступит неизбежное идейно-художественное оскудение жанра и, как следствие, утрата его популярности у молодой аудитории завтрашнего дня.

Однако в самой природе кантри кроется возможность «выживания» и развития, недоступная ни стандартной популярной песне, насквозь пропитанной псевдоромантической эстетикой Тин-Пэн-Элли, ни даже «авангардной» рок-музыке, немыслимой сегодня вне очень сложного, громоздкого и дорогостоящего электронно-акустического оборудования и огромных толп слушателей, охваченных фанатическим экстазом.

Очарование мелодий кантри тем сильней, чем в более доверительной обстановке они исполняются. Показательно, что за последние два-три года в Соединенных Штатах растет успех фестивалей народной музыки, где исполнители — как правило, несколько солистов или групп одновременно — выступают не с эстрады, а находясь прямо среди публики, с которой они устанавливают непосредственное двустороннее общение. Аудитория таких фестивалей (устраиваемых на открытом воздухе без обычных кресел или скамеек) превращается в ряд независимо музицирующих — поющих, играющих и танцующих — групп, возрождая тем самым подлинно фольклорное начало художественного творчества. На таких фестивалях бок о бок звучат и, разумеется, влияют друг на друга кантри и блюз, ранний джаз и латиноамериканская сальса, соул и произведения средневековых менестрелей, индийские раги и арабские мугамы — вообще любые виды музыки, свободные от формальных требований «концертного» исполнительства.

В количественном, а стало быть, и финансовом отношении подобные события не сравнимы, конечно, с гигантскими масштабами и сборами рок-фестивалей — по этой причине большой бизнес покамест не сделал фолк-музыку своим «гвоздем», точно так же как некогда он не замечал хиллбилли. Вероятность, что это произойдет, есть. Но столь же вероятно, что и в этом случае найдутся авторы, исполнители и слушатели, которые сумеют проложить какой-нибудь другой путь к истокам настоящей музыки и рассказать о нем всем остальным людям...

Главный редактор А. А. НОДИЯ.

Редакционная коллегия: В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ (зам. главного редактора), О. А. ГОРЧАКОВ, В. В. ГРИГОРЬЕВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, В. П. МОШНЯГА, В. Д. ОСИПОВ, Б. А. СЕНЬКИН, С. А. ЧИБИРЯЕВ.

Художественный редактор О. С. Александрова.
Оформление А. В. Громова.
Технический редактор З. А. Ходос.

Адрес редакции: Москва, 103104, Спиридоньевский пер., 5. Телефон 290-36-55. Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 18/XI 1975 г. Подп. к печ. 19/XII 1975 г. А01518. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 470 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2030.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

1

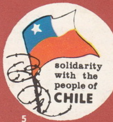

2

3

4

5

6

7

8

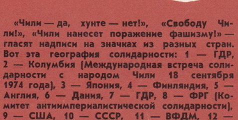

9

10

11

«Чили — да, хунте — нет!», «Свободу Чили!», «Чили нанесет поражение фашизму!» — гласят надписи на значках из разных стран. Вот эта география солидарности: 1 — ГДР, 2 — Колумбия (Международная встреча солидарности с народом Чили 18 сентября 1974 года), 3 — Япония, 4 — Финляндия, 5 — Англия, 6 — Дания, 7 — ГДР, 8 — ФРГ (Комитет антиимпериалистической солидарности), 9 — США, 10 — СССР, 11 — ВФДМ, 12 — ФРГ (Социалистическая немецкая рабочая молодежь).
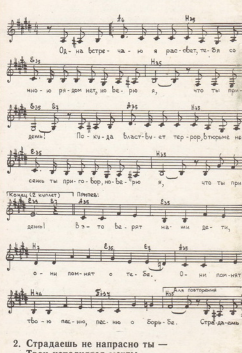

12

3-20

„REGRESARÁS"

«Ровесник» уже писал — в № 11 за 1975 год — об известном чилийском композиторе Серхио Ортеге, публиковал его песни «Венсеремос» и «Когда мы едины — мы непобедимы». Сегодня мы представляем читателям новую песню композитора «Regresarás» — «Ты вернешься», в которой Серхио Ортега выступает и как автор текста. Эта песня — обращение чилийской женщины к мужу, узнику пиночетовского режима.

Русский текст Г. Сперского и Л. Воропаевой, аранжировка А. Щукиной.

2. Страдаешь не напрасно ты —
Твои исполнятся мечты,
И улыбнется солнце нам.
И песню светлую твою
С тобою дети запоют,
И улыбнется солнце нам.

Припев.

1. Cada mañana al despertar
busco tu imagen familiar,
no estás aquí, regresarás.
En un presidio militar
injusta pena has de pagar.
No estás aquí. Regresarás.

Pripев.

Y los ninos te han escrito.
Siempre esperan que tú volverás
cantando y en la plaza juntos jugarán.

2. Y no es en vano este sufrir
y no es ne vano este penar
de nuevo el sol alumbrará.
Todos los ninos cantaran
la nueva dicha del hogar.
De nuevo el sol alumbrará.

Припев.

Индекс 70781
Цена 20 коп.